

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

**РОССИЯ И МИР ПОСЛЕ МИРОВОГО КРИЗИСА:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?**

Материалы VI-го Конвента РАМИ

**ТРЕНДЫ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ**

Ответственный редактор тома

д.полит.н., проф. М.М. Лебедева

Все тексты публикуются в авторской редакции

Москва
МГИМО – Университет
2011

В сборнике представлены доклады и выступления, сделанные на секции «Тренды мирового политического развития: возможности для России», проведенной в рамках 6-ого Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Россия и мир после мирового кризиса: новые вызовы, новые возможности» (МГИМО (У) МИД России, сентябрь 2010 г.). Секция ставит своей целью оценить тенденции политического развития современного мира, а также определить то, как Россия, с одной стороны, формирует их, с другой стороны – вписывается в эти тенденции. Тенденции политического развития мира понимаются широко как действующие в трех сферах: военно-политической, экономической и социально-гуманитарной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лебедева М.М. Государства в современной политической системе мира.

Харкевич М.В. Мировая политическая экономия как сложная адаптирующаяся система.

Киселева Ю. Мягкая сила России: противоречия и перспективы развития.

Панова Е.П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства.

Зиновьева Е.С. Научно-техническое измерение мировой политики.

Колдунова Е.В. Глобальное и региональное международное сотрудничество после кризиса: роль Восточной Азии и России.

Хохлова Е.С. Политическая роль бизнеса в преодолении современного экономического кризиса.

Столетов О.В. Университет как актор мировой политики: формы и технологии влияния.

Государства в современной политической системе мира

В конце первого десятилетия XXI в. резко обострился интерес к проблеме государства, что, обусловлено рядом причин. С точки зрения долгосрочных тенденций – это связано, прежде всего, с трансформацией политической системы мира, с точки зрения краткосрочных факторов интерес к государству вызван развитием экономического кризиса конца 2000-х гг., когда перед государствами встала задача регулирования отношений с целью выхода из кризиса. Обе проблемы (и краткосрочная и долгосрочная) в практической плоскости ставят задачу управления, причем, не столько даже на уровне одного государства, как в глобальном масштабе.

До сих пор большинство исследователей, говоря о государстве в системе отношений, имеют в виду различные конфигурации отношений между государствами-лидерами, т.е. систему международных отношений. Такой анализ был абсолютно обоснован в прошлом, когда влияние на тенденции развития мира государств-нелидеров, а также других акторов мировой политики было не особо значимым. Сегодня подобный подход обладает существенными ограничениями, поскольку в результате научно-технической революции даже «слабый», в том числе, и слабое государство, способно нанести другим непоправимый урон, в определенной степени сопоставимый с результатами действий сильного. Следовательно, государства-нелидеры, не могут быть «вычеркнуты» из анализа.

Еще один важный момент, ограничивающий прогностическую ценность рассмотрения лишь системы международных отношений в современных условиях, заключается в том, что изначально военный потенциал обеспечивал государству мощь и его позицию в качестве лидера. Позднее значимую роль стала играть экономика. Классическими примерами здесь являются Германия и Япония после Второй мировой войны. Отдельно от экономики можно выделить энергетику. В качестве опять-таки

классического примера можно назвать энергетический кризис начала 1970-х гг., когда США, несмотря на свое военное и экономическое могущество, вынуждены были сесть за стол переговоров с арабскими государствами-поставщиками нефти.

Позднее к названным параметрам мощи добавилась социально-гуманитарная составляющая. Так, согласно Дж. Наю, массовая культура стала инструментом «мягкой силы», который в совокупности с военной и экономической мощью позволяет США выступать абсолютным лидером на мировой арене¹. Аналогичная точка зрения о роли социально-гуманитарной сферы высказывалась Р. Бергером и С. Хантингтоном. Они исходят из того, что массовая культура совместно с бизнес-культурой, культурой интеллектуальной элиты и религиозными направлениями составляют пути распространения глобализации². Иными словами, если для Дж. Наю эти три социально-гуманитарной сферы объединены фактически в одну – «массовая культура», то Р. Бергер и С. Хантингтон анализируют отдельные ее составляющие.

Роль возрастания социально гуманитарной составляющей видна на примере того внимания, которое сегодня уделяется вопросам высшего образования. В Европе – это Болонский процесс, а также национальные реформы образования, В Австралии и Новой Зеландии – ставка на выход на передовые позиции в мире по предоставлению образовательных услуг. Образовательные услуги иностранным гражданам в этих странах уже сейчас занимают важную статью дохода в национальном бюджете³.

Следует подчеркнуть, что в отличие от военного и даже экономического ресурсов влияния, воздействие социально-гуманитарного ресурса оказывается в значительной степени «отсроченным». Его результаты

---

¹ Nye J. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone*. – Oxford: University Press, 2002; Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – N.Y.: Public Affairs Group, 2004.

² Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World / Ed. by P. Berger, S. Huntington. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2002

³ Всемирный доклад по образованию 2006 г. Сравнение мировой статистики в области образования. – Монреаль: Институт статистики ЮНЕСКО. <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001457/145753r.pdf>

сегодня пока неочевидны, однако в будущем, при смене поколений элит, могут оказаться решающими.

Тенденция дробления ресурсного потенциала государства (хотя он по-прежнему остается в рамках трех сфер: военно-политической, экономической и социально-гуманитарной) в современном мире наблюдается повсеместно. Это нашло отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г., где говорится: «На передний план в качестве главных факторов влияния государств на международную политику, наряду с военной мощью, выдвигаются экономические, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Все большее значение приобретают: уровень защищенности интересов личности, общества и государства; духовное и интеллектуальное развитие населения; рост его благосостояния; сбалансированность образовательных, научных и производственных ресурсов; в целом уровень инвестиций в человека; эффективное использование механизмов регулирования мировых рынков товаров и услуг, диверсификации экономических связей; сравнительные преимущества государств в интеграционных процессах. Экономическая взаимозависимость государств становится одним из ключевых факторов поддержания международной стабильности. Создаются предпосылки для становления более кризисоустойчивой международной системы»⁴.

Происходящие процессы плохо согласуются с идеей влияния лишь небольшой группы государств-лидеров на современный мир и, соответственно, «полярности» мира. Государства ищут «свою» нишу для оказания влияния, используя разные ресурсы и их сочетания. В результате «полюсы» размываются. Кроме того, значительный ресурсный потенциал оказывается в руках других акторов, в частности, транснационального бизнеса. Сама же система межгосударственных отношений все сильнее

---

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 года.
<http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

растворяется в политической системе мира, включающей в себя государства, других акторов, а также их связи, взаимоотношения и результаты деятельности (договоры, институты, режимы и т.д.), ведущие к формированию новых связей и новых акторов.

Кстати, тенденцию размывания «полюсов», похоже, уловили в Китае, где в последнее время все чаще подчеркивают, что выдвинутая еще в 1990-х гг. прошлого столетия в ответ на унилатерализм США идея многополюсности (многополярности) мира была важным интеллектуальным вкладом. Вместе с тем, сейчас внимание уделяется не столько многополярности мира, сколько многосторонности в международных отношениях. Начиная с 2006 г. разрабатывается концепция формирования гармоничного мира, которая не отрицает, а скорее продолжает идеи, выдвинутые ранее. При этом она позволяет сместить акцент с конкуренции между крупными странами и столкновении полюсов, что, несомненно, существует и на что в значительной степени направлено внимание в концепции многополярности, а на сотрудничество. Кроме того, она дает возможность малым странам, которые с очевидностью не являются полюсами, но которых большинство, не чувствовать себя отстраненными от международной проблематики и открывает для них возможности поиска своей «ниши» в международных делах.

Таким образом, в современных условиях значимым становится не только и в определенном смысле даже не столько место государства в системе межгосударственных отношений (государств-лидеров по совокупному ресурсу вообще не более 10-15 из почти 200 стран мира), как его место в политической системе современного мира.

Наконец, последнее. Анализ государств-лидеров и их ресурсного потенциала способен дать хороший краткосрочный или среднесрочный прогноз. Для долгосрочных прогнозов необходимо исследование длительных тенденций развития, затрагивающих суть политической организации мира. Поэтому другой подход (отличный от изучения государств-лидеров)

заключается как раз в том, чтобы рассмотреть проблему государства в более широких рамках – рамках политической системы мира, лежащей в основе системы международных (межгосударственных) отношений.

Современная политическая система, зародилась в рамках Европы после окончания Тридцатилетней войны и получила название Вестфальской. Она прошла сложный путь эволюции, но ее структурной единицей на всем протяжении развития оставалось государство, а центральным звеном – идея национального суверенитета. В результате государства могли различаться по своей внутренней организации – быть монархией, республикой, носить авторитарный или демократический характер и т.п., – но во «вне» они выступали наравных. Именно, идея суверенитета позволила Вестфальской системе существовать более трех с половиной веков и сохраниться до наших дней. Система допускала, что любое другое государство, которое войдет в систему, может быть очень по-разному организован – это его суверенное право.

Вестфальская система достигла своей вершины, когда после крушения колониальной системы объединила фактически все государства современного мира. Но в то же время это стало первым и главным вызовом политической системе, ставшей глобальной. В одночасье (в историческом масштабе это действительно так) все бывшие колонии оказались национальными государствами и вошли в Вестфальскую систему второй половины XX столетия с ее достаточно хорошо разработанным международным правом, сложными институтами и набором принципов, объединяющих различные элементы в единую политическую систему. До крушения колониальной системы, государства, находящиеся за пределами вестфальских отношений, рассматривались по-другому, не так, как «собратья» по системе. И внутри Вестфальской системы, и за ее пределами велись войны, но все-таки это были «разные» войны. Было два разных мира: «мир Вестфалья» и мир «вне Вестфалья». В «невестфальском мире» были свои правила.

Часть вновь образованных государств, по сути, не разделяли или разделяли достаточно формально Вестфальские принципы организации политической жизни. Эти «невестфальские государства» нередко оказывались нестабильными, с множеством внутренних противоречий и борьбой за власть. В период холодной войны жизнедеятельность таких «невестфальских» государств во многом «определялась» извне, тем или другим блоком. Они использовались в блоковом противостоянии, но одновременно ситуация в них контролировалась так, чтобы эти государства не создавали проблему всей политической системе мира в целом⁵. Иными словами, их суверенитет и активность внутри Вестфальской системы были до определенной степени ограничены блоковым противостоянием.

После окончания холодной войны ситуация стала сложнее. Суть этих «невестфальских государств» в целом мало изменилась. Более того, в некоторых из них обострились внутренние противоречия, и государственные институты фактически полностью распались, а власть оказалась, например, в руках религиозных групп, как это произошло в Афганистане. В своей деятельности эти группы редко ориентируются на нормы и правила Вестфальской системы. В качестве примера можно привести уничтожение талибами в 2001 г. древних фигур Будды, вытесненных в скале в провинции Бамиан, несмотря на все обращения других государств и международных организаций сохранить историческое наследие.

Конечно, и раньше к Вестфальской системе присоединялись государства, которые были «невестфальскими». Проблема, возникшая во второй половине XX в. заключается в том, что расширение политической системы до глобальных масштабов прошло очень быстро и в качественно иных масштабах. В результате значительная часть (если не сказать большая часть) государств Вестфальской системы сразу оказались

---

⁵ См., напр., Rasmussen J.L. Peacemaking in the Twenty-First Century: New Rules, New Roles, New Actors. / Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques // Ed. by I.W.Zartman and J.L.Rasmussen. - Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1997. - P. 23-50.

«вестфальскими». Ранее подобного рода государства были вне системы, сегодня - внутри нее.

Несмотря на различия в оценках того, какие конкретно государства оказываются «вестфальскими», большинство авторов и исследовательских центров относят к ним значительное количество современных государств⁶. Иными словами, сегодня «критическая масса» таких государств в политической системе начинает превышать количество, условно говоря «вестфальских государств», и справляться с этим системе становится все труднее

Таким образом, ко всем прочим параметрам разнородности государств, которые существовали и ранее (размер территории, экономическое развитие и т.п.), добавился еще один, но принципиальный параметр, связанный с различным отношением государств к самой системе, ставшей во второй половине XX в. впервые в истории своего развития глобальной.

На факт расслоения государств во второй половине XX в. именно по отношению к самой политической системе, объединяющей их, не так часто обращается внимание. Один из немногих, кто пишет об этом - итальянский исследователь Поджи⁷.

Начиная со второй половины XX столетия внутри единой политической системы мира, ставшей глобальной, стали формироваться и функционировать:

а) государства, ориентированные, преимущественно на Вестфальские межгосударственные отношения, признающие и отстаивающие принцип национального суверенитета (государства модерна, или вестфальские государства);

---

⁶ См., напр., Foreign Policy. Failed state index 2007.

http://images.yandex.ru/yandsearch?p=20&ed=1&text=failed%20states&spsite=fake-021-184939.ru&img_url=gtmarket.ru%2Ffiles%2FFailed-States-Index-Map-2008.jpg&rpt=simage;

⁷ Poggi G. States and state systems: democratic, Westphalian or both? / *Review of International Studies* (2007), 33: 577-595 Cambridge University Press doi:10.1017/S026021050700767X Published online by Cambridge University Press 24Sep2007

б) государства, которые в рамках интеграционных процессов в значительной степени перераспределили свой суверенитет в рамках наднациональных и внутринациональных институтов (государства постмодерна, или поствестфальские государства);

в) государства традиционной культуры, строящие свои отношения в значительной степени на довестфальских принципах (родоплеменных и т.п.). Ранее многие из этих государства были колониями и не выступали самостоятельно на мировой арене (государства премодерна, довестфальские государства).

Безусловно, выделенные группы государств представляют собой скорее идеальнотипические образования. В действительности конкретные государства сочетают в себе характеристики различных государств, но при этом у них доминируют те или иные. Так, государства Евросоюза, прежде всего, выступают как поствестфальские образования, но при этом сохраняются и вестфальские характеристики. Интересно, что данное образование долгое время ориентировалось на развитие сетевых, поствестфальских отношений, но принятие Лиссабонского договора в 2007 г., фактически означает усиление вестфальских характеристик в ЕС.

В целом ключевая структурная единица современной политической системы - государство – выглядит сегодня весьма причудливо. Понятие «национальное государство» объединяет государственные образования, не только не похожие друг на друга, но и находящиеся как бы в разных эпохах и цивилизациях, системах, или вне их. Более того, эти различия усиливаются. Так, исследуя современные государства, правда, в несколько в ином контексте, А.Ю. Мельвиль приходит к выводу о «разбегающейся политической вселенной»⁸.

---

⁸ Мельвиль А.Ю. Разбегающаяся политическая вселенная / Эксперт № 9 (503), 2006.
http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/09/razbegayuschaiyasya_politicheskaya_vselennaya/

Как следствие разнородности современных государств по отношению к самой системе, объединяющих их, возникают и другие проблемы глобального управления (регулирования). Так, представляется, что в основе интенсивно обсуждаемого вопроса о реформе ООН лежит как раз данная разнородность, преодолеть которую очень сложно.

Часть довестфальских государств оказывались несостоявшимися. Они не обладают, так называемым, «внутренним суверенитетом», согласно определению Ст. Краснера⁹. В них не действуют или оказываются слабыми властные структуры. В условиях глобализации и взаимозависимости несостоявшиеся государства создают проблемы не только своим гражданам (гражданские войны, разрушенная экономика и т.п.), но и другим государствам, поскольку на их территории нередко организовываются базы террористов, производятся наркотики, процветает пиратство, развивается незаконная торговля оружием, возникает угроза эпидемий, беженцев и т.п. В результате в мире формируются своеобразные «серые зоны» - территории, охватывающие полностью государства, или частично, где деятельность центральных властей в значительной степени ограничена. Предпринять какие-либо действия в отношении таких государств сложно. Принудительные внешние действия по отношению к таким государствам означают ограничение их суверенитета, а, значит, и бросают вызов системе, как таковой, базирующейся на принципе суверенитета. Поэтому лишь в исключительных случаях такие решения могут быть приняты. Но и тогда проблема воссоздания структур власти и налаживания их функционирования решается с трудом. Примером здесь может служить Афганистан.

Другую проблемную группу образуют государства, которые противопоставили себя Вестфальской системе. В них властные институты работают, но сами государства, плохо вписываются в современную политическую систему с ее правилами межгосударственного взаимодействия. Своей непредсказуемостью, а иногда и прямым

---

⁹ Krasner St. Sovereignty: Organized Hypocrisy. – Princeton: Princeton University Press, 1999.

политическим шантажом они создают проблемы другим, а также политической системе мира в целом. Как правило, это авторитарные государства с сильной идеологической или религиозной ориентацией. Явно вызывающее поведение этих государств на мировой арене обычно преследует две цели. Во-первых, стремление показать для населения собственной страны свою твердую волю, превосходство, умение отстаивать собственные интересы, укрепить идеологические позиции, противопоставив себя остальным и т.п. Во-вторых, получение от других государств в обмен на некоторое смягчение позиции гуманитарной помощи, энергетических ресурсов и т.п. Своеобразная игра-шантаж может длиться довольно долго, принимать явно затяжной характер, что демонстрирует, например, Северная Корея.

Наконец, третью проблемную группу составляют непризнанные или частично признанные государства. Они, в отличие от первой проблемной группы, обладая «внутренним суверенитетом», не имеют «внешнего суверенитета» выпадают полностью или частично из политической системы современного мира. Таких государств по разным оценкам насчитывается порядка 30, и в общей сложности они занимают незначительную территорию, но многие из этих государств оказались в центре конфликтов (например, Палестина, Нагорно-Карабахская Республика, Южная Осетия, Республика Косово, Абхазская Республика и др.). Кроме того, потенциальная проблема заключается в том, что непризнанных государств могут самоорганизовываться, создавая своеобразные системы, параллельные Вестфальской. Одним из первых примеров подобной самоорганизации может служить Содружество непризнанных государств (СНГ-2), объединившее Республику Абхазии, Приднестровскую Молдавскую Республику, Нагорно-Карабахскую Республику и Южную Осетию. Образовавшись в 1990-е гг., они изначально были признаны только друг другом.

Появление в современной Вестфальской системе невестфальских государств ведет к ее эрозии и часто вызывает ответную реакцию,

направленную на попытки вернуться «назад к Вестфалию». В практическом плане это проявляется в разных формах, например, в требованиях строго следовать принципам национального суверенитета¹⁰, в выявлении «реального суверенитета»¹¹ и «суверенной демократии»¹², принятии законодательства, ориентированного на усиление государственных структур и придания им больших полномочий (например, в США после событий 11 сентября 2001 г. принимается закон, известный как «Акт Патриота» - USA Act Patriot), в проведении политики протекционизма и т.п.

Стремление «вернуться назад», к более жесткому выполнению норм Вестфальской системы прослеживается и в области теории международных отношений. Не случайно, в XXI столетии в США получает распространение неоклассический реализм, который подчеркивает необходимость смещения исследовательских акцентов от изучения структуры международных отношений в целом, как это предполагается в рамках неореализма, к анализу внешней политики отдельных государств.

В целом попытки усиления роли государства оказываются не очень успешными (хотя есть и примеры успеха подобных действий). Так, обосновывая свои решения кризисом, Н. Саркози в феврале 2009 г. попытался за счет льготного кредита вернуть заводы Peugeot Citroen и Renault из Чехии во Францию. На что Чехия, а также другие страны Евросоюза, отреагировали резко отрицательно¹³.

«Вернуться в прошлое» вряд ли возможно также и в силу того, что сформировались структуры и связи транснационального характера. Во-первых, государства сами пытаются ограничить слишком сильное свое вмешательство в рыночные отношения, понимая, бесперспективность такого поведения. Об этом свидетельствует, в частности, то, что на встрече лидеров

---

¹⁰ См., напр., Зорькин В. Апология Вестфальской системы / Россия в глобальной политике. – 2004. - Т.2. – № 3 (май-июнь). – С.18-24.

¹¹ Кокошин А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. Изд. 2-е, доп. Серия: Мировой порядок. М.: Европа 2006 г.

¹² Сурков В. Национализация будущего / Эксперт. – 2006, ноябрь. - № 43 (537).

¹³ <http://www.nr2.ru/220076.html>

ЕС 1 марта 2009 г. договорились об отказе от протекционизма ради национальных интересов во время кризиса. Аналогичные решения были приняты на саммите АСЕАН¹⁴, а также на саммите «двадцатки» в Лондоне в апреле 2009 г.¹⁵

Во-вторых, за последние десятилетия резко укрепился транснациональный бизнес, который сегодня представлен не только крупными ТНК, но и средними и даже мелкими компаниями¹⁶. Бизнес уже невозможно «вернуть» в строгие рамки национальных государств, т.е. нельзя «отменить» процесс транснационализации, особенно, если принять во внимание, что контроль со стороны национального государства за средним и мелким бизнесом, который имеет сегодня большое распространение на транснациональном уровне, практически невозможен.

В-третьих, сама система национальных государств под воздействием многих факторов оказалась «расшатанной», о чем свидетельствует, в частности, появляющиеся все чаще альтернативные проекты мирового устройства, в том числе исламистский, «нового левого поворота» и т.д.

Проблема «внесистемности» ряда государств обостряется активностью негосударственных акторов, а также усиливающимся процессом размывания функций различных акторов. Например, ранее государства, хотя и действовали на экономической арене, но их главная задача оставалась политической, в то время как транснациональные корпорации были ориентированы на получение прибыли.

В принципе традиционные функции остались за акторами, но каждый из них все чаще и в большей степени «залезает на чужую территорию». В итоге «границы ответственности» акторов становятся все менее четкими, а поведение - более рискованным, что ведет к плохой предсказуемости и кризисам. Так, за последние время ряд государств взял на себя

---

¹⁴ http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2009/03/01/n_1336180.shtml

¹⁵ <http://www.newsru.com/world/02apr2009/g20itog.html>

¹⁶ См.: ¹⁶ Fujita M. Small and Medium-sized Transnational Corporations: Salient Features // Small Business Economics – №7. – 1995.

несвойственную им ранее, по крайней мере, в такой степени, - роль, связанную с "зарабатыванием" денег, и это стало одной из причин экономического кризиса конца 2000-х гг. Иными словами, государства начали работать как корпорации. В частности, по этому пути пошла Исландия, которая в большом количестве скупала европейские компании, набирая при этом долги. В результате она оказалась на грани дефолта. В отношении частных структур существуют механизмы, препятствующие подобному рискованному поведению, но эти механизмы не действуют, если на рынке оказывается национальное государство.

В свою очередь, расслоение государств, возникновение непризнанных, или частично признанных государств ставит бизнес в затруднительное положение. Бизнес нередко оказывается в противоречивой ситуации. Например, компания Venetton, выпускающая одежду и аксессуары, решила развивать поставки своих товаров в Абхазию. На это резко отреагировала Грузия, заявив, что Абхазия часть ее территории, поэтому все вопросы должны быть согласованы с грузинской стороной¹⁷. Таких примеров множество.

Размывание функций происходит не только в сфере экономики. Так, безопасность – область, которой традиционно «занималось» государство, все чаще становится сферой деятельности экономических акторов. Вооруженные частные подразделения активно привлекаются для охраны военных объектов, сопровождения гуманитарных грузов и т.п. Во время военной операции США в Ираке в 2003 г. каждый десятый человек, вовлеченный в нее с американской стороны, был из, так называемых, частных компаний по обеспечению безопасности (private security companies, PSC, или иногда используется название private military companies, PMC). Они решали вопросы логистики, обучения персонала и т.п. Еще более масштабное привлечение частных военных компаний в Ирак было после разгрома иракской армии. Частные военные компании использовались для обучения

---

¹⁷ <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=82144>

иракских полицейских, обеспечения безопасности на нефтяных разработках, для переводов при допросе военнопленных и т.п.¹⁸.

Само по себе привлечение частных компаний при решении военных проблем, а также вопросов, связанных с безопасностью не является чем-то абсолютно новым. В той или иной форме и степени такое было ранее. Однако, начиная с 1990-х гг. в этой области произошли качественные изменения. Прежде всего, следует отметить, что резко возросли масштабы деятельности частных компаний в военной сфере и сфере безопасности, а также расширился «ассортимент» предлагаемых ими услуг. В связи с последним И.А. Сафранчук предлагает выделять три вида компаний: «1) частные военные компании (ЧВК, private military company – PMC) – они воюют сами или помогают воевать заказчику; 2) частные компании безопасности (ЧКБ, Private Security Company – PSC) или транснациональные компании безопасности (ТНКБ, Transnational Security Company – TSC) – они обеспечивают физическую безопасность объекта или лица (лиц) на определенной территории; 3) компании, предоставляющие нелегальные услуги (КНЛУ, Non-legal Service Provider - NSP) – они выполняют функции, от которых отказываются военные в высокотехнологичных армиях»¹⁹.

Расширилось и число «заказчиков», которые стали обращаться к помощи таких частных компаний. По всей вероятности, тенденция обращения к этим компаниям за услугами будет только усиливаться. В результате, как отмечает И.А.Сафранчук, их деятельность оказалась востребованной, что и послужило стимулом к дальнейшему развитию данного вида бизнеса. Иными словами, наблюдается тенденция перехода функции обеспечения безопасности от государства к другим акторам мировой политики.

---

¹⁸ Avant D. The Market for Force: The Consequences of Privatizing Security. – Cambridge: University Press, 2005.

¹⁹ Сафранчук И.А. Феномен «частной силы»: последствия для государственных и негосударственных акторов / Приватизация мировой политики: локальные действия – глобальные результаты // Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Голден Би, 2008.

Таким образом, современное государство, вряд ли можно рассматривать вне комплекса тех связей и отношений, в которые оно включено в политической системы мира. Современная политическая система мира стала охватывать очень разные государства, значительная часть которых выпадает из нее. Масштабы этих «внесистемных всплесков» достаточно велики. По сути, вызов брошен сегодня не столько отдельному государству, сколько системе в целом. Государство было до Вестфальского мира, по-видимому, оно и останется. Проблемы заключается в том, как разные по своей сути государства, могут сосуществовать в дальнейшем в единой политической системе, и следует ли ожидать серьезной перестройки самой системы? Если да, то, в каком направлении?

М.В. Харкевич

Мировая политическая экономия как сложная адаптирующаяся система

Мировой экономической кризис 2008–2009 годов актуализировал проблему анализа состояния и динамики системы мировой экономики. Неспособность академического сообщества своевременно оценить угрозу накопившихся в системе рисков свидетельствует о том, что привычные параметры для мониторинга системы если не устарели, то являются недостаточными для выявления предкризисной ситуации. В данной работе мы предлагаем альтернативные параметры оценки состояния системы мировой политической экономики, которые позволяют измерять степень упорядоченности/хаотизации рассматриваемой системы. Выделение альтернативных параметров стало возможным благодаря представлению мировой политической экономики в качестве сложной адаптирующейся системы.

Остановимся подробнее на используемой терминологии. Система мировой политической экономики понимается здесь как совокупность политических и экономических акторов, находящихся в отношениях

системной взаимозависимости, т.е. такой взаимозависимости, которую они сами стремятся поддерживать. В качестве актора могут выступать фирма, государство, сектор производства или иные индивидуальные или коллективные активно-деятельные образования, интересы которых затрагиваются тем или иным политико-экономическим курсом, проводимым отдельным государством или международным сообществом, и которые предпринимают активные усилия по лоббированию данного курса, противодействию ему или формированию альтернативного курса. Следует отметить, что в научной литературе, как правило, термин «мировая политическая экономия» относится к объекту исследования, а термин «международная политическая экономия» – к научной дисциплине, изучающей данный объект. Это деление условно, особенно в части, касающейся объекта исследования. Мировая политическая экономия может именоваться и международной политической экономией. Однако название дисциплины «международная политическая экономия» пока употребляется безальтернативно.

Выявление альтернативных параметров системы мировой политической экономии предполагает определение существующих наиболее распространенных в научной литературе параметров. Система мировой политической экономии изучена относительно хорошо. Среди всех теоретических подходов к описанию и анализу данной системы в настоящее время наибольшую популярность, особенно в американских академических кругах, приобрел подход, который на русский язык переводится как политика открытой экономики (open economy politics)²⁰. В споре между американской и британской школами международной политической экономии «политика открытой экономики», по мнению Д. Лейка, вполне может претендовать на роль доминирующего подхода американской школы²¹. Данный подход

---

²⁰ См.: Lake D. International Political Economy: A Maturing Interdiscipline // The Oxford Handbook of Political Economy / B. Weingast, D. Wittman (eds.). – Oxford Univ. Press, 2006. – P. 757–777.

²¹ См.: Lake D. TRIPs Across the Atlantic: Theory and Epistemology in IPE // Review of International Political Economy – 2009 – Vol. 16, no. 1. – P. 47–57.

органично сочетает индивидуальный, институциональный и системный уровни анализа, а также в равной мере заимствует онтологию и методологию у неоклассической экономики и международной политической экономии. Такое сочетание позволяет полнее использовать неоклассическую экономику при изучении политики глобальных экономических взаимодействий.

Типичное исследование в рамках описываемого подхода начинается с определения интересов акторов в отношении конкретной экономической политики. Интересы актора определяются в позитивистском ключе, т.е. ставятся в зависимость от его местоположения в международной экономике. Затем рассматриваются механизмы агрегирования интересов в различных международно-экономических институтах. Заканчивается исследование анализом переговоров между акторами с различными интересами. При этом во внимание принимаются переговоры как между негосударственными акторами, так и между государствами. Достоинство «политики открытой экономики» заключается в том, что в ней равное значение придается всем этапам вышеприведенной последовательности анализа. Большинство подходов абсолютизируют один из этапов, редуцируя все остальные.

Описанная выше система мировой политической экономии довольно проста. Основными ее параметрами являются акторы; политико-экономические курсы; интересы акторов; институты, агрегирующие интересы и структурирующие переговорное пространство; и, наконец, сами переговоры. Хаотизация рассматриваемой системы в таком ее описании наступает в случае, когда институты в силу различных причин перестают выполнять свои функции. Именно институты позволяют акторам с различными интересами вести продуктивные переговоры, доверять друг другу и приходиться к долгосрочным договоренностям. Причинами дисфункции институтов может быть чрезмерное «искривление» институционального пространства в пользу чьих-либо интересов. Очевидно, что институты никогда не могут быть полностью нейтральными. Тем не менее чрезмерная «предвзятость» институтов лишает их легитимности, и они

утрачивают свою функциональность. Следуя теории гегемонистской стабильности, можно предположить, что институты могут утратить функциональность также в случае, если гегемон будет неспособен поддерживать их существование. В любом случае ключевой причиной хаотизации мировой политической экономики с точки зрения теории «политики открытой экономики» являются нефункциональные институты.

При анализе мирового экономического кризиса 2008–2009 годов многие исследователи отмечали в качестве его причины как раз неадекватность существующих международных экономических институтов и механизмов контроля. Практика XXI века «выросла» из «институциональной одежды» XX века, в результате чего система стала хаотичной, что и привело, в конце концов, к кризису²².

Институциональный анализ мировой политической экономики, несомненно, представляет собой научную и практическую ценность. Однако институты являются важным, но только одним из ключевых элементов мировой политической экономики. Выделить дополнительные параметры системы, не менее важные, но часто игнорируемые, позволяет взгляд на мировую политическую экономию как на сложную самоорганизующуюся систему.

Сложные системы широко распространены в естественном и социальном мире. Состоят они из разнообразных, взаимозависимых, связанных между собой, адаптирующихся друг к другу и внешней среде акторов. Для уточнения понятий следует провести различие между сложной и сложносоставной системами. Различаются они степенью взаимозависимости элементов. Если в сложносоставных системах (куча песка) при удалении одного из элементов вся система не меняет своих свойств, то сложные системы (организм) агрессивно реагируют на изменение своего состава. При этом способность к адаптации позволяет сложным системам выдерживать значительное давление со стороны среды. Важной

---

²² См.: Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. – W. W. Norton & Company, 2009.

особенностью сложных систем является эмерджентность, т.е. несводимость свойств системы к сумме свойств ее компонентов. Процессы на микроуровне и макроуровне в сложной системе имеют качественные различия. Классическим примером эмерджентности в социальных системах может служить «невидимая рука» рынка, описанная А. Смитом. Каждый отдельный актер на микроуровне сложной системы действует в своих интересах, не заботясь о благе всей системы, при этом на макроуровне возникает системная упорядоченность без присутствия центрального управляющего. Сложными системами являются мировая политическая система, мировая экономическая система, муравейник, улей и т.п.

Сложные системы изучает наука о сложных системах. Одним из наиболее известных в России основателей и популяризаторов этой науки был бельгийский и американский физик и химик российского происхождения, лауреат Нобелевской премии по химии 1977 года И. Пригожин²³. В общественных науках идеи теории сложности получили широкое распространение. В науке о мировой политике и международных отношениях эти идеи также нашли своих последователей. В 2006 году в свет вышла первая монография, обобщающая вклад и возможные перспективы теории сложности в науке о мировой политике и международных отношениях, «Сложность в мировой политике»²⁴, а в 2007 году Е. Кавальски провозгласил появление «сложной теории международных отношений» и начало пятых великих дебатов в ТМО, сторонами которых выступают линейные и нелинейные парадигмы²⁵.

Если система мировой политической экономики является сложной системой, то для ее анализа логично пользоваться параметрами, выделяемыми в сложных системах. Ключевыми параметрами сложных

---

²³ См.: Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: Мир, 1990.

²⁴ См.: Complexity in World Politics: Concepts and Methods of a New Paradigm / Neil E. Harrison (ed.). – State University of New York Press, 2006.

²⁵ См.: Kavalski E. The Fifth Debate and The Emergence of Complex International Relations Theory: Notes on The Application of Complexity Theory to The Study of International Life // Cambridge Review of International Affairs. – Sept. 2007. – Vol. 20, no. 3. – P. 435–454.

систем служат: гетерогенность элементов, их взаимозависимость и адаптивность²⁶. Сложная система пребывает в упорядоченном состоянии, когда перечисленные параметры находятся между своими минимальными и максимальными значениями. Элементы системы должны быть в меру разнообразны, в меру взаимозависимы, в меру взаимосвязаны и в меру адаптивны. Мера определяется опытным путем. Однако тенденция одного из трех или всех трех параметров системы к достижению своего минимального или максимального значения будет свидетельствовать об усилении хаотизации системы.

Рассмотрим каждый из выделенных параметров отдельно на примере системы мировой политической экономики.

Разнообразие элементов

Если вся система состоит из функционально одинаковых элементов, она становится сверх уязвимой при изменении среды. Адаптивность такой системы низка. Примером гомогенной системы являются посевы монокультур. Появление вредителя, способного поразить данную культуру, может привести к уничтожению всех посевов. К. Уолтц и неореалисты утверждали, что система государств также является гомогенной системой, т.к. государства функционально тождественны. Однако новейшая история международных отношений свидетельствует, что значительные изменения международной среды, связанные с глобализацией, не привели к уничтожению государств. Напротив, многие из них успешно адаптировались к произошедшим изменениям, а некоторые даже стараются стать во главе различных процессов глобализации. Система государств не гомогенна, государства различны и они образуют ниши в этой системе, которые повышают адаптивность всей системы как таковой. Однако если

---

²⁶ Miller J., Page S. Complex Adaptive Systems. An Introduction to Computational Models of Social Life. – Princeton Univ. Press, 2007.

разнообразии элементов возрастает чрезмерно, взаимодействие между ними усложняется, ниши разрушаются и система становится хаотичной. Поэтому упорядоченность сложной системы зависит от умеренного разнообразия ее элементов.

По данному параметру в системе мировой политической экономики наблюдается тенденция к хаотизации, т.к. разнообразие ее элементов продолжает нарастать. Кроме государств активную роль в системе играют негосударственные акторы вплоть до отдельных индивидов. На данном этапе происходит активное образование новых ниш в системе мировой политической экономики. К примеру, одной из таких ниш является международный рынок услуг в сфере высшего образования. В целом, в академической литературе принято выделять две общие ниши, одну из которых занимают преимущественно государства, а вторую – негосударственные акторы²⁷. Речь идет о специфических и неспецифических активах. Специфические активы представляют собой такие активы, ценность которых трудно установить с помощью стандартных рыночных механизмов. Транзакционные издержки сделок с подобными активами можно снизить только в рамках иерархических отношений, в которых устанавливаются долгосрочные принципы пользования специфическими ресурсами. Иерархическое управление является исконным доменом именно государств. Примером отношений и деятельности, структурированных специфическими ресурсами, могут служить крупные производства фордистского типа с интегрированными производственными линиями, продажа/покупка газа и нефти посредством трубопроводов.

Неспецифические ресурсы характеризуются независимостью от конкретных условий их использования, свободно покупаются и продаются на рынке. Примерами таких ресурсов служат нефть и сжиженный газ, перевозимые танкерами под заказ, любые постфордистские гибкие

---

²⁷ См.: Jessop B. From Governance to Governance Failure and from Multi-level Governance to Multi-scalar Meta-governance // The Disoriented States: Shifts in Governmentality, Territoriality and Governance / B. Arts, A. Lagendijk, H. van Houtum (eds.). – Springer, 2009. – P. 79–98.

производственные циклы. Деятельность с неспецифическими активами оптимальным образом регулируется с помощью рыночных механизмов управления. Поэтому ресурсные ниши, образуемые преимущественно неспецифическими активами, как правило, занимают негосударственные акторы.

Учитывая тенденцию к постепенному стиранию функциональной дифференциации между государственными и негосударственными акторами, границы данных ниш со временем могут разрушиться, что приведет, скорее всего, к усилению хаотизации мировой политики.

Взаимозависимость элементов

Вторым рассматриваемым параметром является степень взаимозависимости элементов системы. Как и в предыдущем случае, система достигает упорядоченности, если взаимозависимость ее элементов находится на среднем уровне. При минимальной взаимозависимости элементов система утрачивает свою целостность, в случае высокой взаимозависимости в системе будет наблюдаться склонность к хаотизации в силу двух причин: 1) чувствительность системы к малейшей флуктуации и 2) склонность системы к цепной реакции. Так, небольшая флуктуация на микроуровне может запустить цепную реакцию, которая в конечном итоге приводит систему к гибели. Примером такой катастрофы могут служить начало Первой мировой войны, мировые финансовые кризисы, эпидемии и пандемии. При умеренной взаимозависимости акторов создаваемые ими ниши служат определенными преградами для распространения усиливающейся волны положительной обратной связи. Ниши создают возможности для возникновения негативной обратной связи, которая противодействует цепной реакции, упорядочивая тем самым систему. Например, государства, которые после экономического кризиса конца 1990-х годов встали на путь накопления финансовых резервов,

пострадали в нынешний мировой экономический кризис не так серьезно, как государства, которые пошли по пути увеличения внешних заимствований.

Адаптивность элементов (обучаемость)

Адаптивность элементов означает их способность обучаться, перенимать наилучшие практики в системе. В зависимости от степени адаптивности элементов системы выделяют четыре типа поведения системы: 1) статичное 2) цикличное, 3) хаотическое, 4) сложное. Статичное поведение возникает при минимальной способности к адаптации, цикличное поведение возникает при небольшом увеличении в адаптивности, хаотическое – при максимальном уровне адаптивности, и сложное – при умеренном ее уровне. Сложное поведение имеет цикличную структуру, однако периоды цикла достаточно продолжительные и информационно насыщены, что осложняет их выявление.

Современная система мировой политической экономики характеризуется наличием различных уровней адаптивности. В мировой политике принято выделять три культурных пространства: пространство кантонианской культуры, локкианской культуры и гоббсианской культуры²⁸. Каждая из перечисленных культур определяется характером ролевых отношений насилия между акторами. Так, в кантонианской культуре акторы находятся в отношениях дружбы, и насилие между ними в принципе невозможно. В локкианской культуре акторы играют роль соперников, насилие между ними возможно, однако оно институционально ограничено. В гоббсианской культуре акторам приходится исполнять роль врагов, насилие в такой культуре ничем не ограничено. Отношения дружбы не более сложны, чем отношения вражды. Однако дружба помогает акторам преодолевать экзистенциальную тревогу, выстраивать между собой доверительные отношения и относиться к вопросам безопасности не инстинктивно, а

---

²⁸ Wendt A. The Social Theory of International Politics. – Cambridge Univ. Press, 1999.

рефлексивно²⁹. Дружба дает актерам возможность экспериментировать с политико-экономическими курсами. Можно сказать, что в кантианской культуре акторы адаптируются к поведению друг друга и среды, но делают это рефлексивно. Таким образом, в кантианской культуре, распространенной преимущественно среди государств постмодерна, состояние сложности имманентно, а следовательно, в такой культуре акторы проявляют умеренную адаптивность.

Локкианской культуре свойственно статичное состояние, переходящее порой в циклическое. Соперничество сужает пространство эксперимента, принуждая акторов следовать проверенным стратегиям, таким как гонка вооружения, коалиционное строительство, война, разоружение и т.д. Поэтому в рамках такой культуры, распространенной преимущественно среди государств модерна, социализация акторов носит более инстинктивный характер.

Гоббсианская культура, встречающаяся среди государств премодерна, вынуждает акторов отказаться от способности к рефлексии и полностью полагаться на инстинкт самосохранения. Уровень адаптации здесь чрезмерно высок, поэтому система проявляет признаки хаотизации.

Рассмотрев мировую политическую экономию как сложную адаптивную систему, можно сделать следующий вывод. Если в теории открытой экономической политики центральным фактором упорядоченности системы является функциональность институтов, то с точки зрения теории сложности таким фактором является наличие ресурсно-функциональных ниш в системе. Увеличение количества ниш приводит к усложнению системы и повышению ее самоуправляемости. И напротив, в результате уменьшения ресурсно-функциональных ниш система может стать более гомогенной и более уязвимой для деструктивных влияний среды.

---

²⁹ Berenskoetter F. Friends, there are no Friends? An Intimate Reframing of the International // Millennium – Journal of International Studies. – 2007. – Vol. 35, no. 3. – P. 647–676.

Мягкая сила России: противоречия и перспективы развития

Концепция «мягкой силы» в дисциплине международных отношений (МО) является одной из самых интригующих концепций последних лет, позволяющих глубже заглянуть во взаимоотношения между государствами и народами, в то, как «работает» современная международная действительность. Актуальность концепции продиктована не только ее сравнительно недавним появлением в научной литературе (1990-е гг.), но и тем, что своим стремительным развитием «мягкая сила» как явление обязана именно реалиям современного информационного общества: когда в условиях бесконечных потоков информации, не знающих государственных границ, и огромного числа ее носителей использование «мягкой силы» упрощается, становится более доступным, изощренным и эффективным. В данной связи можно допустить утверждение, что идея «мягкой силы» столь же привлекательна, как и то, что она описывает³⁰.

Цель данной работы – рассмотреть явление «мягкой силы» в контексте России: ее особенности, применение и результаты применения. Статья разбита на три основных проблемных раздела, в которых будет предпринята попытка дать оценку «мягкой силе» России посредством ответа на следующие три вопроса: что, зачем и как? В первом разделе, отвечающем на вопрос «что?» («Что такое «мягкая сила» России?»), будут рассмотрены особенности российской «мягкой силы», дана ее характеристика, отталкивающаяся от «традиционной» дефиниции «мягкой силы»,

---

³⁰ Существует мнение, что появление теоретически оформленного термина «мягкая сила» в научной литературе благодаря американскому ученому (Дж.Наю) лишь способствовало дальнейшему укреплению «мягкой силы» США как таковой. См. *Панова Е.* Мягкая власть (Soft Power) как способ воздействия в мировой политике // Мировая политика: новые проблемы и направления. «МГИМО-Университет», 2009. С.156-174.

сформулированной ее создателем Дж.Найем, и ее «недостатков» и «пробелов», которые таким образом дают возможность «расширить» эту самую дефиницию в соответствии с национальными особенностями рассматриваемого государства. Второй раздел – с вопросительным словом «зачем?» («Зачем России нужна «мягкая сила»?) – посвящен целям и задачам, которые преследует Россия, если и когда она прибегает к «мягкой силе». Третий блок проблем «как?» («Как Россия использует «мягкую силу»?) ставит своей целью рассмотреть способы и методы использования Россией своего «мягкого» потенциала. В заключение, будут сделаны выводы и рассмотрены результаты деятельности России с точки зрения применения «мягкой силы», дана оценка «мягкому» потенциалу России.

Что такое «мягкая сила» России?

Хрестоматийное определение «мягкой силы» американского исследователя и политика Дж.Найя – «способность делать так, чтобы другие [государства] желали того же»³¹, что и твоя страна, и, следовательно, делали то же, что и твоя страна, тем самым работая на защиту национальных интересов рассматриваемого государства на мировой арене. Таким образом, данная дефиниция предполагает некое естественное согласие, консенсус между акторами межгосударственных отношений в выработке политических установок и действий на международной арене. В основе категории «мягкой силы» лежит добровольный выбор и желание поступать в соответствии с установками и интересами того или иного государства. Это способность государств «увлекать» за собой потенциальных союзников. Все это, согласно Дж.Наю, становится возможным благодаря т.н. «привлекательности», «силе примера», которая исключает в отношениях между странами политическое давление, насилие или экономические поощрения. Привлекательность в МО по Наю зиждется на трех основных столпах, выступающих как единое целое: на культуре той или иной страны (если она привлекательна для других

---

³¹ См. *Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, New York, 2004.*

стран), на ее политических идеалах и ценностях (если они находят отклик в других государствах) и на ее внутренней и внешней политике (если она рассматривается другими странами как легитимная и отвечающая нормам морали).

Поскольку данная статья не ставит своей целью критически рассмотреть эти три компонента «мягкой силы» и, соответственно, поставить под сомнение их универсальность (хотя бы на примере тех же США, на основе которых Най и сформулировал свою концепцию)³², стоит отметить тем не менее, что любая страна может обладать из ряда данных характеристик теми или иными отдельными чертами. У любой страны есть как положительные, так и отрицательные «качества». Это, в свою очередь, означает, что любая страна в той или иной степени может обладать «привлекательностью», определенной «мягкой силой» благодаря своим положительным характеристикам, будь это в региональном или мировом (как до недавнего времени США³³) масштабе. Так, помимо США «мягкой силой» ввиду ряда причин обладают ЕС, отдельные государства ЕС (такие, как Великобритания, Германия, Франция, скандинавские страны), Китай, Австралия.

Россия из вышеперечисленных составляющих «мягкой силы», очевидно, своими сильными чертами может считать культуру: русский язык и духовность, выраженную в искусстве, литературе, театре, балете; спорт; церковные традиции и общинность (имея в виду ее положительные стороны – взаимопомощь и жертвенность); богатую и полную событий историю; мультикультурализм и уникальный многовековой опыт сосуществования разных культур и религий в рамках одного государства, регулирования

---

³² Универсальность и «правильность» концепции «мягкой силы» в той форме, в которой представил ее Дж.Най, ставят под сомнение многие ученые. Среди их критических замечаний: детерминированность потенциала «мягкой силы» текущей международной обстановкой и обстоятельствами, прагматичность государств и их политиков в выборе «привлекательных» союзников, отрицание существования «мягкой силы» как таковой. См. *Parmar I., Cox M. Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. Routledge, 2010.

³³ США утратили значительную часть своей «мягкой силы» в мире после начала военных кампаний в Афганистане и Ираке в 2001 и 2003 гг. соответственно.

межэтнических и межконфессиональных отношений. Подобного нельзя сказать о российской внешней политике, которую принимают и одобряют далеко не все участники МО, и о политических ценностях и институтах России, которые на деле демонстрируют крайнюю слабость, несамостоятельность и коррупцию. К числу «непривлекательных» черт Российского государства, которые уже многие считают константой российской действительности и особенностями «русского национального характера», относятся также беззаконие, nepотизм, отсутствие общественного порядка, подчинение интересов личности интересам государства, нарушения прав человека, слабое гражданское общество, жестокость, пьянство. Последних характеристик вполне достаточно, чтобы затмить те объективно привлекательные черты, которыми обладает Россия. Это позволяет многим исследователям, политикам и общественным деятелям утверждать, что у России нет «мягкой силы» - одним словом, Россия вовсе не является «привлекательной» страной.

Проблема «мягкой силы» заключается в том, что «мягкая» власть – это не данность, закреплённая за тем или иным государством на неопределённый период времени. Можно утверждать, что вышеуказанные положительные «качества» России (что важно, в основном в области культуры) – это данность, которая неразрывно связана с образом страны, независимо от времени и обстоятельств. Однако проблема состоит в том, что эта «данность» не всегда была таковой: она «накапливалась» веками. Более того, «русские ценности» настолько прочно вошли в категорию общемировых, что они при любых обстоятельствах будут считаться привлекательными, даже если страна, откуда они произошли, перестанет быть привлекательной или ассоциироваться с ними вовсе³⁴.

Таким образом, поскольку «мягкая сила» - это не постоянная величина, то наличие или отсутствие ее у того или иного государства также не является

---

³⁴ Представляется, что в советский период истории России многие «дореволюционные» русские ценности «эмигрировали» вместе с теми, кто покинул страну, и существовали вне ее – такие, например, как православная вера и эмигрантская русская литература.

раз и навсегда устоявшейся истиной. Иными словами, «мягкую силу» можно «терять» и «приобретать»³⁵. В случае с Россией можно утверждать, что ее «мягкая сила», или скорее ее «мягкий» потенциал, состоит из того, чем она уже бесспорно обладает (ценности, культура), и из того, что она еще «накопит», или, возможно, не накопит и даже «растратит». Таким образом, *«мягкая сила» России – это совокупность уже имеющихся положительных характеристик и ряда целенаправленных внутри- и внешнеполитических инициатив и установок (политического курса) по развитию и дополнению этих характеристик, что направлено на создание более привлекательного имиджа страны за рубежом и более благоприятной для нее обстановки на международной арене (о чем более подробно будет сказано ниже). Проблема «мягкой силы» России лежит не в плоскости «наличие-отсутствие», а в ответе на вопрос, как грамотно «мягкая сила» используется и культивируется (т.е. насколько эффективной является политика государства в области развития «мягкой силы»)*³⁶. Использование «мягкой силы» может включать, среди прочего, воздействие посредством культуры, образования, информации, имиджа, публичной дипломатии, PR технологий, неправительственных связей.

Зачем России «мягкая сила»?

«Мягкая сила» позволяет с новой стороны взглянуть на одну из старейших и основополагающих концепций в МО и межгосударственных отношениях – категорию силы, власти (power). «Мягкая сила», несмотря на всю ее «мягкость», содержит в себе так или иначе элемент силы³⁷. Сам

---

³⁵ Что показал пример США и что сейчас наблюдается на примере ЕС, где Франция начала активную борьбу с цыганами-иммигрантами, а Германия признала провальной проводившуюся долгое время государственную политику мультикультурализма.

³⁶ Хорошим примером является Китай, который, не обладая традиционными атрибутами «мягкой силы» вроде демократии и защиты прав человека, тем не менее проводит успешную политику по ее развитию и обладает значительными «запасами» «мягкой силы» если не в мировом, то в региональном масштабе точно.

³⁷ Существует мнение, что «мягкая сила», несмотря на все ее привлекательные характеристики, так или иначе использует пропаганду и навязывает идеи, т.е. в ней присутствует элемент принуждения, исключая свободный выбор и волю того, на кого она направлена. См. *Панова Е.* Мягкая власть (Soft Power) как способ воздействия в мировой политике.

Дж.Най утверждает, что «мягкая сила» (soft power) никогда не может полностью заменить собой «жесткую силу» (hard power) – она служит в качестве дополнения к последней, и правильное сочетание обеих дает вместе «умную силу» (smart power). То, что «мягкая сила» несет в себе силу, тем не менее отличную от традиционных понятий власти и силы, является элементом привлекательности для государств.

России «мягкая сила» необходима вследствие ряда объективных, взаимосвязанных причин.

Во-первых, «мягкая сила» является одним из мировых трендов, определяющих развитие и направление мировой политики и МО. Стремительное развитие информационных технологий во всем мире, доступность и разнообразие информации, многообразие ее носителей, а также все более растущая взаимозависимость и открытость мира определяют роль «мягкой силы» как одного из факторов, играющих важную роль в межгосударственных отношениях. Умение развивать, владеть и, что более важно, удерживать «мягкую силу» становится одной из важнейших характеристик современного государства, одним из «гарантов успеха»³⁸. Россия, если она претендует на одну из первых ролей в международных делах, на статус современной мировой державы, к чьему мнению прислушиваются, должна «идти в ногу со временем» и наращивать свой «мягкий» потенциал³⁹. Первые шаги в этом направлении уже сделаны (о чем будет сказано ниже). Здесь стоит отметить, что Россия начала вкладывать в свою «мягкую силу» совсем недавно – в 2000-е гг., процесс чего логически идет в общем русле постепенного подъема страны из экономической и политической «смуты» 1990-х гг., когда была потеряна большая часть ранее накопленной «мягкой силы» государства. В главных внутри- и внешнеполитических документах России и выступлениях руководителей

---

³⁸ Книга Дж.Най 2004 г. так и называется: Soft Power. The Means to Success in World Politics («Как достичь успеха в мировой политике»).

³⁹ Показательным может служить пример Китая, который начал интенсивно развивать свою «мягкую силу» после того, как утвердился в качестве одной из ведущих экономик и держав мира. В этой связи «мягкая сила» видится в качестве атрибута «статусности» и «великодержавности» государства, его влияния в мире.

страны появились заявления о необходимости способствовать продвижению русского языка за рубежом, защищать интересы российских граждан, проживающих за границей⁴⁰. В целом больший акцент был сделан на необходимости и целесообразности проводить более тщательную работу по доведению до иностранных государств и их граждан российской позиции по тем или иным вопросам, касающимся как внутренней, так и внешней политики страны (информационно-разъяснительная работа), способствовать популяризации русской культуры, истории и традиций (развитие публичной дипломатии). Данные задачи вошли в категорию национальных приоритетов России, «мягкая сила» стала неотъемлемой частью российской внешней политики.

Показательно, что вопросами «мягкой силы» России начали заниматься и научные круги, не в последнюю очередь зарубежное научное сообщество. Сейчас разного рода проекты ведутся в Центре по изучению публичной дипломатии Университета Южной Калифорнии⁴¹, в британском Королевском институте международных отношений (Chatham House)⁴².

Вторая причина, по которой России необходима «мягкая сила», это имидж. Образ и «репутация» России в мире претерпевали значительные изменения с момента распада СССР, однако в общем и целом восприятие России на мировой арене оставалось и остается негативным, а отношение – неприязненным. Более располагающий к себе образ России и более правдивое восприятие ее и ее точки зрения по тем или иным вопросам ведут к большему пониманию ее позиции и действий со стороны других государств и народов. Понимание, в свою очередь, предоставляет больше возможностей для сотрудничества и договоренностей. Таким образом, «мягкая сила»,

---

⁴⁰ К таким документам относятся: «Концепция внешней политики РФ», «Концепция национальной безопасности РФ», выступления Президента РФ на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России, послания Президента РФ к Федеральному собранию. Сам термин «мягкая сила» впервые был упомянут в «Обзоре внешней политики Российской Федерации» 2007 г.

⁴¹ См.

http://uscpublicdiplomacy.org/index.php/research/project_detail/russias_public_diplomacy_in_its_sphere_of_privileged_interest_the_cases_of/

⁴² См. http://www.chathamhouse.org.uk/research/russia_eurasia/current_projects/soft_power/

оказывая влияние на мировое общественное мнение и улучшая имидж России за рубежом, может вести к большему влиянию и весу страны в мире, что облегчает достижение собственных целей на мировой арене и способствует защите национальных интересов, т.е. успешной реализации внешней политики. В самом начале 2000-х гг. была поставлена задача улучшения имиджа России за рубежом как одного из приоритетов российской внешней политики⁴³. При этом стоит отметить, что хотя «мягкая сила» не может полностью заменить «жесткие» инструменты власти, она обладает такими неоспоримыми преимуществами, как экономия и эффективность, т.к. требует меньших финансовых и людских затрат и во многих случаях будет иметь большую степень отдачи.

Третьей причиной, по которой «мягкая сила» важна для России и которая прямо следует из предыдущей, являются вопросы безопасности. Негативный имидж России в западных странах был официально признан одной из главных угроз безопасности страны. Позитивный имидж России за рубежом необходим, в первую очередь, в отношениях страны с ее непосредственными соседями – странами СНГ. Проблема дружественных отношений и сотрудничества на границе с РФ напрямую связана с задачей обеспечения стабильности и безопасности на всем постсоветском пространстве⁴⁴.

Как Россия использует «мягкую силу»?

В 2000-х гг. Россия начала развивать свою «мягкую силу», и хотя последняя еще далека от окончательного решения тех задач, которые перед ней стоят, понимание важности «мягкой силы» для России вылилось в выработку ряда шагов и инициатив по преодолению дефицита данного ресурса во внутренней и внешней политике страны.

---

⁴³ Концепция внешней политики Российской Федерации (2000); Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России, 12 июля (2004).

⁴⁴ См. *Tsygankov A. P.* If not by Tanks, then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // *Europe-Asia Studies* (58:7), 2006, С. 1079—1099.

Одним из ключевых направлений развития «мягкой силы» является популяризация национального языка и культуры. В связи с этим в России в 2007 г. был создан Фонд «Русский Мир», призванный решать вопросы сохранения и распространения русской культуры и языка в мире. Фонд занимается разработкой и поддержкой программ изучения русского языка, а также развитием межкультурного диалога и укреплением взаимопонимания между народами⁴⁵. Для этих целей были созданы т.н. Русские центры, также играющие роль ресурсных центров, предоставляющих научно-популярную и прочую информацию о России (подобно, например, Британскому Совету в Великобритании или Институту Гете в Германии). К 2010 г. было открыто 50 Русских центров в 29 странах мира, включая США, Германию, Китай⁴⁶. Официальная концепция «русского мира» подразумевает не только граждан России, соотечественников за рубежом, эмигрантов, выходцев из России и их потомков, но и всех иностранных граждан, знающих и изучающих русский язык – всех тех, кто в той или иной степени интересуется Россией, ее историей и культурой.

Среди инициатив, направленных на продвижение русской культуры за рубежом и укрепление связей с соотечественниками, необходимо также отметить созданное в 2008 г. Россотрудничество – подведомственное МИД РФ Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству; открытие Славянских университетов в странах СНГ, обучение в которых ведется на русском языке и по российским образовательным программам; Государственную программу содействия добровольному переселению соотечественников в РФ; проведение Всемирных конгрессов соотечественников, проживающих за границей.

В 2008 г. был открыт Институт демократии и сотрудничества, НПО с отделениями в Нью-Йорке и Париже, которая, подобно американским

---

⁴⁵ См. *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Алетея, 2010.

⁴⁶ См. *Kudors A.* 'Russian World' – Russia's Soft Power Approach to Compatriots' Policy // *Russian Analytical Digest* (81/16 June), 2010.

Freedom House и Human Rights Watch в других государствах, занимается изучением и сравнительным анализом демократии и прав человека в западных странах. Используя непосредственный доступ к западным СМИ, Институт дает оценки и «рекомендации по улучшению» западных форм демократии, предлагает альтернативные взгляды на данный вопрос, утверждая, что «ни одна страна не может «монопольно» определять понятия демократии и прав человека»⁴⁷. Одной из целей Института является «разрушить миф о том, что Россия – это «империя зла».

Из последнего комментария следует, что неотъемлемой частью российских усилий по укреплению «мягкой силы» является и т.н. «борьба идей». В связи с нею можно упомянуть концепцию «суверенной демократии», озвученную бывшим президентом В.Путиным и претендующую на роль «уникальной» формы правления, сложившейся в постсоветской России, а также пять принципов демократии, представленных президентом Медведевым на Ярославском политическом форуме в 2010 г. В 2009 была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, что было связано с общим снижением международного авторитета страны на тот момент.

К попыткам России создать благоприятный имидж в мировом информационном пространстве и в сознании западного обывателя относятся также различные масс-медиа и PR проекты, а также дискуссионные форумы, призванные представить западной публике более «правдоподобную» Россию. Среди подобных инициатив – ежемесячное приложение «Российской газеты» Russia Beyond the Headlines в американской газете The Washington Post; проект «Российской газеты» по подготовке специальных вкладок Trendline's Russia для ведущих газет мира (американской The Washington Post, британской The Daily Telegraph и китайской «Жэньминь жибао»); открытие в

---

⁴⁷ См. In The Heart Of New York, Russia's 'Soft Power' Arm Gaining Momentum <http://www.rferl.org/articleprintview/1493429.html>

2005 г. круглосуточного англоязычного новостного канала RT (Russia Today), который доводит до иностранного зрителя точку зрения страны как на внутрироссийские, так и общемировые проблемы (сейчас канал вещает также на испанском и арабском языках); журнал Russia Profile, совместный проект издательского дома Independent Media и РИА «Новости»⁴⁸. Эту же роль посредника между Россией и остальным миром играет и ежегодный дискуссионный клуб «Валдай», собирающий известных западных журналистов, экспертов и общественных деятелей для бесед «без галстука» с ведущими российскими политиками, официальными лицами государства.

Российское руководство и крупные российские компании также неоднократно прибегали к услугам профессиональных иностранных организаций по связям с общественностью для проведения собственных PR кампаний. Так, в 2006 г. за 2 млн долл. США американская фирма Ketchum занималась PR поддержкой Кремля в период проведения саммита «Группы восьми» в С.Петербурге. В первой половине 2009 г. российское правительство заплатило этой же фирме 175 тыс. долл. за сбор информации о политике США, которая имела негативные последствия для России⁴⁹. Улучшить свой имидж в США с помощью PR технологий также пытаются российские госкорпорации «Газпром» и «Газпром Экспорт», и «Росатом». По данным газеты The Washington Post от 2008 г. Россия вложила в продвижение своего имиджа за рубежом около 10 млн долл.

Внутриполитические события и обстановка в стране, а также внешнеполитические инициативы влияют на формирование имиджа России, поэтому являются частью ее «мягкой силы». Среди наиболее значимых событий, призванных способствовать позитивному восприятию страны за рубежом, - объединение русских Церквей в 2007 г., которое лично курировал В.Путин⁵⁰; проведение Олимпиады 2014 в Сочи; модернизационная повестка

---

⁴⁸ См. Гаджиев К. Имидж как инструмент культурной гегемонии // Мировая экономика и международные отношения (12), 2007, С. 3-14.

⁴⁹ См. Orttung Robert W. Russia's Use of PR as a Foreign Policy Tool // Russian Analytical Digest (81/16 June), 2010.

⁵⁰ См. The Soft-Power Foundations Of Putin's Russia <http://www.rferl.org/content/article/1079106.html>

дня Президента Медведева и проект иннограда Сколково; проект Договора о европейской безопасности, предложенный российским президентом.

***

Несмотря на вышеизложенные мероприятия и проекты, которые охватывают далеко не весь спектр деятельности России по укреплению своего «мягкого» потенциала, необходимо заключить, что сегодня Россия не обладает достаточной «мягкой силой», чтобы оказывать существенное влияние на ход мировых событий или кардинально влиять на мировую повестку дня. России, конечно, далеко в этом отношении до США, для которых, по сути, и создавалась концепция «мягкой силы»: она отразила именно американские реалии начала 1990-х гг. – период после распада СССР и формирования на определенное время однополярного мира. Можно, тем не менее, выделить ряд объективных причин, которые мешают России укреплять свою позицию в мире с помощью «мягких» рычагов влияния.

Одним из основных препятствий являются явные «помехи» в восприятии реального образа России за рубежом, некое искажение образа в донесении до иностранной публики внутренней ситуации в России и ее намерений. Это вызвано расхождением между «самообразом» страны (self-image) и ее «проецируемым образом» вовне (projected image), что посылает противоречивые сигналы международному сообществу, когда слова и действия России очень часто не соответствуют тому образу, который бы она хотела иметь среди других государств⁵¹. Недоверие и подозрения запада в связи с этим (например, в «имперских амбициях» России) порождают ответное недоверие России и убежденность в том, что ее «никогда не поймут». Таким образом, «окопавшаяся» Россия только подтверждает страхи западных государств (каждый раз когда возникает повод, чтобы укрепить

---

⁵¹ Например, противоречия возникают между официальными заявлениями о развитии в России демократии, укреплении экономики, надежности России как поставщика энергоресурсов, с одной стороны, и построением «вертикали власти», «суверенной демократии», коррумпированностью властей и судов, слабостью гражданского общества и экономики, «газовыми войнами» с соседними странами – с другой. Большим камнем преткновения в отношениях между Россией и западными странами являются такие события, как арест Ходорковского в 2003 г., смерть Литвиненко и убийство Политковской в 2006 г., война с Грузией в 2008 г.

запад в его опасениях) – и искаженные негативные образы опять усиливают друг друга⁵². С другой стороны, наличие крепко укоренившихся в истории стереотипов о России не может не оказывать влияние на восприятие ее во внешнем мире. Сами национальные образы тех или иных народов – достаточно консервативная сфера международной жизни, трансформация которой требует значительного времени.

Стоит подчеркнуть, однако, что причины искажения образа России среди иностранной аудитории надо также искать и в отсутствии какой-либо четко продуманной «стратегии» и последовательности в вопросах построения привлекательного имиджа страны за рубежом. Четкая стратегия отсутствует ввиду того, что Россия сама не имеет окончательного представления о том, какой страной она является после распада СССР⁵³. Неясность в «самовосприятии» ведет к вольным интерпретациям страны извне. Продолжающийся с тех пор кризис национального самосознания и связанные с ним споры в общественных и политических кругах не позволяют провести прямую линию от четко сформулированной национальной идеи России к ее роли в мире и, соответственно, целям и задачам, которые она преследует в своей внутренней и внешней политике, исходя из данного «самоопределения». Представляется, что очень часто Россия «самоидентифицируется» изначально с оглядкой на внешнее окружение (что от нее ожидают), нежели наоборот.

Со времени распада СССР Россия до сих пор стоит «на перепутье». Трудно говорить о привлекательности и «мягкой силе», когда страна еще далека от достижения того уровня политического, экономического, социального развития, к которому она стремится (отсюда и противоречия между тем, что она говорит и какие цели перед собой ставит, с одной

---

⁵² См. *Feklyunina V. Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West // Europe-Asia Studies (60:4 June), 2008, С. 605-29.*

⁵³ Российский политический курс «страдает от «идеологической бессодержательности» ('ideological emptiness') - см. *Popescu N. Russia's Soft Power Ambitions // CEPIS Policy brief (115, October 2006).* Стоит здесь отметить, что, в отличие от современной России, коммунистический СССР и коммунистическая идеология обладали значительной «мягкой силой» (о чем пишет и Дж.Най).

стороны, и тем, что она делает и что из этого получается, с другой). Российская модель развития пока не совсем понятна и не имеет четкой направленности. В современном постиндустриальном мире Российское государство не находится в числе самых передовых. Таким образом, многих традиционных атрибутов «мягкой силы» у России попросту нет.

Помимо вышеперечисленных пунктов, у России недостаточно финансовых средств для серьезного продвижения «мягкой силы» (в тысячи раз меньше, чем у тех же США⁵⁴), от этого неэффективными оказываются многие ее инициативы и проекты в данном направлении.

Е.П. Панова

Высшее образование как потенциал мягкой власти государства

Высшего образования долгое время оставалось на периферии международных исследований. Интерес к дано теме усилился с появлением концепции «мягкой власти» и, как следствие, с повышенным вниманием к такому направлению государственной деятельности, как публичная дипломатия. Мягкая власть, по определению автора этой концепции, Дж. Най, это способность государства достичь желаемых результатов в мировой политике без использования силы или принуждения, путем формирования предпочтений других акторов, целиком опираясь на собственную «привлекательность». Привлекательность актора напрямую зависит от того, насколько его ценности разделяются другими участниками, и от масштабов его культурного влияния. В культуре, идеологии и институтах Най видел источник будущего влияния и лидерства США в мире (его самая первая работа, посвященная мягкой власти, вышла в свет в 1990г).

Дж. Най считает, что, если государство способно поддерживать международные институты, в основе которых лежит согласие по поводу некоего свода общих правил, соответствующих устремлениям государства-

---

⁵⁴ См. Никонов В. Компонентов «мягкой силы» у России немного. <http://russ.ru/Mirovaya-vestka/Komponentov-myagkoj-sily-u-Rossii-nemnogo>

лидера, то исчезнет всякая необходимость применять силу или принуждение в международных отношениях. Более того, если государство способно влиять на формирование предпочтений других участников, то те вопросы, которые попадают на обсуждение в глобальной повестке дня, будут так или иначе уже ограничены определенными рамками, отражающими позицию государства-лидера. В такой ситуации, размышляет Най, все остальные будут с готовностью следовать за лидером и поддерживать его политику. Однако американский ученый обращает внимание на то, что международное поведение государства должно соответствовать декларируемым им ценностям, в противном случае ресурс его мягкой власти начнет истощаться.

Естественно, что мягкая власть не может быть накоплена в виде некоего материального ресурса, а потому ее поддержание и укрепление – это постоянный процесс. Для его описания некоторые американские политики используют термин «борьба за умы и сердца». Эта борьба ведется на различных уровнях: на государственном уровне, при помощи «публичной дипломатии» и на уровне гражданского общества, «гражданской» или общественной дипломатии (*citizen diplomacy*), делающее упор на развитие прямых контактов между народами (*face-to-face contacts*) при помощи деятельности неправительственных организаций, СМИ, различных образовательных фондов, индустрии развлечений, культурных фондов и корпораций, которые несут ценности и идеи, ассоциирующиеся с образом данной страны и способствующие росту его влияния.

Публичная дипломатия в самом общем смысле этого термина – это усилия, предпринимаемые государством для влияния на иностранное общественное мнение и формирования восприятия этого государства в других странах мира. В публичную дипломатию входят два основных направления деятельности. Первый «трэк» нацелен на предоставление информации об этом государстве и разъяснение его политике максимально широкой международной аудитории. Это так называемый «месседжинг». Данная цель достигается посредством радио- и ТВ вещания (иновещания),

распространения печатных изданий на иностранных языках, фильмов и другой медиапродукции, организацию выставок и других культурных проектов, способных помочь в налаживании мостов между представителями различных культур и цивилизаций, а также в лучшем понимании целей и задачей американской политики международными аудиториями.

Второй «трэк» включает образовательные программы. Прежде всего, речь идет о предоставлении услуг по получению высшего образования в США иностранным студентам, но также и обратные варианты, предполагающие обучение и стажировки американских студентов за границей. В контексте укрепления мягкой власти государства предоставление услуг получения высшего образования выступает как инструмент, позволяющий сформировать не только долгосрочные связи на уровне сообществ, но и определенное мировоззрение у иностранных гостей, отражающее ценностные ориентации самого американского государства и позволяющее рассчитывать на благоприятное отношение к США с их стороны в будущем.

Американское руководство давно осознало, что те тысячи студентов, которые приезжают в США учиться, представляют собой потенциальные источники лояльности и поддержки американской политики. В США существует налаженная система предоставления грантов для наиболее талантливых «будущих лидеров» по всему миру. Классическим примером такого подхода является американская программа подготовки интеллектуальной и политической элиты «Фулбрайт».

Своим появлением эта программа обязана американскому сенатору Уильяму Фулбрайту, который предложил предоставлять гранты как американским гражданам, так и гражданам других государств для участия в различных видах образовательной деятельности: преподавании в университетах США, проведении исследований, получении высшего образования и т.д. По мнению сенатора, такая обширная деятельность должна была помочь установлению лучшего понимания между гражданами

США и представителями всего остального мира. Несомненно, что кроме получения возможных конкурентных преимуществ на родном рынке труда, участники американских образовательных программ становятся причастными и к более широким политическим процессам. Их пребывание в США подразумевает еще и ознакомление с политической и экономической моделью американского общества, и приобщение к культуре страны пребывания и ее ценностям. По возвращении домой они используют этот опыт, в том числе и при принятии решений опираются в большей или меньшей степени и на полученные ценностные ориентиры. Как заявила в своем приветственном обращении к участникам программы руководитель стипендиальных программ Фулбрайт Ширли Грин, «мы хотим, чтобы участники приезжали в Америку и покидали ее, чтобы оставить длительный и благоприятный след в жизни институтов и сообществ, откуда они родом»⁵⁵.

И такой подход оправдывает затраченные средства. Одно из недавних исследований показало, что 99% иностранных выпускников программы Фулбрайт отметили, что они стали «лучше понимать Соединенные Штаты и американскую культуру», 96% выпускников указали, что они поделились своим американским опытом с соотечественниками через медиа и культурные каналы после возвращения на Родину, и 89% опрошенных подтвердили, что их опыт, полученный в Штатах, позволил им занять лидирующие позиции в родной стране⁵⁶.

США являются лидером по предоставлению образовательных услуг в мире. Уже который год в стране отмечается устойчивый прирост иностранных студентов, а в 2008/2009 учебном году общее количество иностранных студентов в США, обучающихся по различным грантам, программам и в частном порядке, достигло рекордного уровня и превысило

---

⁵⁵ Fulbright foreign scholarship board annual report 2007/2008/
<http://fulbright.state.gov/uploads/zC/IE/zCIEN74FYW9b1V5dmNiKKw/FSB-07-08-Report.pdf>

⁵⁶ Carol Bellamy, Adam Weinberg. Educational and cultural Exchanges to restore America's image//The Washington Quarterly, Summer 2008, с.56

670000 человек⁵⁷. По-прежнему, наиболее востребованными среди иностранных учащихся остаются бизнес и менеджмент, а также инженерные специальности⁵⁸. Лидерство США в наукоемких технологиях, а также в области бизнес-администрирования (достаточно посмотреть на рейтинг 500 крупнейших компаний мира в 2010г. по версии журнала Fortune: его возглавляет американский гигант Wal Mart, а всего в первой «двадцатке» треть корпораций из США)⁵⁹ ежегодно привлекает новых и новых иностранных студентов в эту страну.

Следует отметить, что образование – это не только передача навыков и умений, но и формирования определенного мировоззрения, отражающего некий социальный, экономический и политический уклад. Пожалуй, наиболее ярко это может быть продемонстрировано на примере международной деловой культуры (или «давосской культуры», как ее называет американский исследователь Питер Бергер). В международном деловом общении сложились определенные модели поведения, отражающие, прежде всего, западные подходы к ведению бизнеса и западные концепции международного экономического порядка (свободная торговля, либерализм и т.д.). Эти модели и концепции воспроизводятся в западных же бизнес-школах, куда приезжает за высшим образованием и значительное число «будущих лидеров» из иностранных государств. Затем они возвращаются и воспроизводят эти модели у себя на родине и опять же в международном деловом общении. В настоящей статье не ставится цель рассмотреть преимущества и недостатки существующего международного экономического порядка, однако совершенно очевидно, что он выгоден далеко не всем участникам, но, тем не менее, в мире поддерживается определенный консенсус по поводу общих правил экономической и финансовой систем (и это несмотря на попытки некоторых участников из

---

⁵⁷ RECORD NUMBERS OF INTERNATIONAL STUDENTS IN U.S. HIGHER EDUCATION.
<http://opendoors.iienetwork.org/?p=150649>

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См. подробнее <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2010/>

числа новых развивающихся стран пересмотреть правила игры в свою пользу, например, путем введения новых резервных валют и т.д.). Возникает предположение о том, что международные бизнес-школы играют далеко не последнюю роль в воспроизводстве данной экономической и финансовой модели, а выгоды от такого порядка получают страны, чьи университеты и готовят новые руководящие кадры. Не случайно, наверное, что в первой десятке лучших бизнес-школ мира находятся шесть американских университетов (по версии газеты Financial Times за 2010г.), три европейских, и всего одно «незападное» высшее учебное заведение, находящееся в китайском Гонконге (а в первой двадцатке таких «незападных» учебных заведений всего два, причем второе находится в Индии)⁶⁰. Такое географическое распределение центров бизнес-образования ярко свидетельствует о том, кто сейчас задает тон в мировой экономике.

Очевидно превосходство США и в международно-политических исследованиях. В начале 2009г. американский журнал по внешней политике и международным отношениям «Foreign Policy» опубликовал своего рода гид по научным центрам (think tanks) стран мира, на основе опросов экспертов, политологов и журналистов. Особенно учитывалась степень влияния проводимых исследований на принятие политических решений. Согласно этому рейтингу, среди стран по числу исследовательских и научных центров в мире являются США, на территории которых их расположено 1777. Для сравнения: в России только 107 центров были квалифицированы создателями рейтинга как «фабрики мысли»⁶¹.

Такое интеллектуальное доминирование характеризуется, по меньшей мере, двумя особенностями: 1) стремлением утвердить и обосновать американское политическое и экономическое лидерство в мире 2) стремлением распространить свои научные изыскания в качестве

---

⁶⁰ Global MBA Rankings 2010

<http://rankings.ft.com/businessschoolrankings/global-mba-rankings>

⁶¹ Цит по Н. Бурлинова. Чьи «фабрики мысли» круче?//Столетие (издание Фонда исторической перспективы). http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/chi_fabriki_mysli_kruche_2009-02-18.htm

господствующих теорий на весь остальной мир. К примеру, рассуждая о специфике национальных исследований, американский международник С. Хоффман отмечает, что «нигде более не возникло столь явно выраженного стремления контролировать мир и вытекающих из него амбиций власти предрасполагающих использовать данные науки в интересах осуществления мирового господства»⁶². При этом речь не идет только о теориях, так или иначе легитимизирующих американское лидерство, но и о формулировании тех вопросов, которые попадают на обсуждение в глобальной повестке дня. К ним относятся, например, учение о правах человека, феминизм, защита окружающей среды, культурном многообразии (multiculturalism). Питер Бергер называет это направление культурной глобализации «клубной культурой интеллектуалов».⁶³ Следует отметить, что американские университеты и «фабрики мысли» как ни в какой другой стране мира тесно связаны с политическим истеблишментом: многие политики по завершению своей карьеры находят себя именно на академическом поприще. Отсюда следует и тесная связь проводимых исследований с политической конъюнктурой.

Международные исследования в целом, и теория международных отношений в частности представляют собой те «рамки», с помощью которых субъекты интерпретируют происходящие в мире процессы. Неслучайно, Дж. Най в своей концепции мягкой власти обращает особое внимание на способность США влиять на то, как *преподносятся* актуальные вопросы (frame the issue) и каким образом задаются рамки политической дискуссии (establish the framework of a debate). Иными словами, через теории и концепции США учат весь остальной мир смотреть на международные отношения и мировую политику их же глазами, одновременно утверждая выгодные им формулировки или интерпретации в качестве господствующих.

---

⁶² Hoffman S. An American Social Science: International Relations//International relations – Still an American Social Science? Ed. by R. M. A. Crawford, D. S. L. Jarvis. N.Y., 2001. P. 32-34. Цит. по А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. Социология международных отношений. Анализ российских и западных теорий. М., Аспект-Пресс, 2006. С.73

⁶³ Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация, М.:2004. С.12

В теории международных отношений в рамках конструктивизма были проведены любопытные исследования, позволяющие понять механизм утверждения тех или иных теорий или интерпретаций в качестве доминирующего дискурса. Международно-политическая реальность в буквальном смысле «конструируется» ее участниками. По мнению конструктивистов, все субъекты международного общения участвуют в общем коммуникативном обмене, в ходе которого они сводят все свои уникальные интерпретации реальности к довольно узкому набору тех теорий и определений, которые и получают своего рода статус «здорового смысла» и становятся общепринятыми⁶⁴. Дж. Най в одной из своих работ, посвященной мягкой власти, прямо говорит о том, что «исход политической борьбы в информационную эпоху определяется тем, чья история победит» и призывает использовать для этого каналы публичной дипломатии⁶⁵.

Эти теории и концепции неотделимы от представлений об образе жизни и социально-политических условий, в которых они могут быть воплощены. Когда Дж. Най рассуждает об источниках мягкой власти США, то он имеет в виду принципы рыночной экономики и либеральной демократии, более того, он считает, что именно эти модели и воплощают устремления многих участников международного общения⁶⁶. Таким образом, за привлекательность актора кроется определенная социально-экономическая модель, позволяющая продемонстрировать, как его ценности и принципы работают на практике. Если говорить очень простым языком, то всем должно захотеться «жить как в Америке» (фраза взята из статьи в газете «Коммерсант», посвященной проблеме мягкой власти – прим. Е.П.).

Однако, как может показаться, речь не идет о каком-то одностороннем насаждении идей и мнений «сверху». В современном мире, где все больше и

---

⁶⁴ Подробнее см. Mattern Janice Bially. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics// Millennium: Journal of International Studies, Vol.33 #3 2005. P.585

⁶⁵ Joseph S. Nye. Bush could do with decent PR help.//The Bangkok Post, January 21, 2005

⁶⁶ Joseph S. Nye Jr "The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone", Oxford University Press, 2002, с.69

больше людей получает доступ к информации, наиболее эффективной стратегией является продвижение идей «снизу» путем диалога и дебатов, демонстрации достижений культуры и образа жизни, привлекающего международную аудиторию. Привлечение в страну иностранных студентов, организация обменных программ приводит к формированию долгосрочных связей на уровне обществ и позволяет рассчитывать в будущем на лояльность «новых лидеров»⁶⁷. Речь идет в первую очередь, о привлечении студентов в передовые и престижные специальности, которые позволяют надеяться, что со временем они займут ведущие позиции в политических и деловых кругах своих стран. Более того, в ходе обучения формируется система ценностей и ориентиров, позволяющая сблизить рамки, сквозь которые смотрят на мир представители различных культур.

Необходимо сказать и о том, что огромный вклад американских исследователей в понимание международных отношений и тот напор, с которым эти знания внедряются в качестве «здорового смысла» вызывают к жизни ответные идейные альтернативы. В современном мире вопросы конструирования смыслов и утверждения ценностей выходят на передний план, являясь предпосылкой любого действия или целеполагания. Такие государства, как Россия, все более активно подключаются к этому процессу. Как считает Замглавы Администрации Президента России Владислав Сурков «вопросы смыслообразования, вопросы терминов, проблемы производства образов - это признак действующей нации, которая имеет право называться «актором», действующим лицом истории»⁶⁸. Он настаивает на том, что у России должна быть своя версия политического языка, и что «нужно утвердить собственные позиции в философском социо- и политологическом дискурсах Запада»⁶⁹. Сурков вспоминает и о российских политических

---

⁶⁷ Американская стипендиальная программа «Фулбрайт» своей целью ставит развитие взаимопонимания между Соединенными Штатами и другими народами через поощрение наиболее талантливых молодых ученых, студентов, преподавателей, имеющих лидерский потенциал. Программа осуществляется при поддержке Госдепартамента США. См. Подробнее: <http://fulbright.state.gov>.

⁶⁸ Пришли к согласию. Стенограмма «круглого стола» в Российской газете. РГ от 6 сентября 2006г.

⁶⁹ Сурков Владислав. Национализация будущего// Сборник статей: Суверенная демократия. От идеи к доктрине. Москва, издательство Европа, 2006. С.38

проектах, в частности, называя среди них Третий Рим и Третий Интернационал, которые были «обращены к другим народам и открыты для них»⁷⁰.

Жесткие конкурентные условия мировой экономической и политической систем диктуют необходимость инновационных решений, которые невозможны без качественной интеллектуальной основы. В этой связи хотелось бы отдельно упомянуть об инновационном образовательном проекте, недавно предложенном российскими властями в рамках программы по модернизации страны: строительство наукограда в Сколково. С самого начала этот проект был обращен к представителям других народов. Крупнейшие мировые брэнды в наукоемких отраслях, как например, Nokia или Cisco были приглашены к сотрудничеству. Этот крупнейший инновационный проект будет заниматься разработками и коммерциализацией новых технологий. В Сколково будут развиваться пять приоритетных направлений модернизации — энергетика, телекоммуникации, информационные, биомедицинские и ядерные технологии. Президент Дмитрий Медведев выразил надежду, что уже буквально через несколько лет лучшие ученые и инженеры будут трудиться в этом центре.

Интересно, что годом ранее в Сколково была заложена и одноименная бизнес-школа. По замыслу инициаторов проекта (куда входят 14 крупнейших инвесторов, российских и зарубежных компаний и частных лиц), задача школы — воспитание уникальных лидерских и предпринимательских навыков. Создатели школы указывают на ее преимущество в отношении учебных программ традиционных лидеров бизнес-образования - крупнейших западных школ. Предмет изучения — бизнес-проекты в странах с быстрорастущей экономикой, таких, как Россия, Индия, Бразилия и Китай. Предлагаемые программы нацелены не только на российских, но и зарубежных слушателей, рассчитывающих применять свои навыки и знания в условиях динамичных новых рынков. Как считают организаторы, Сколково

---

⁷⁰ Ibid. С. 41

имеет все перспективы занять свое место в системе мирового бизнес-образования и обогатить ее уникальным российским опытом⁷¹.

Россия уже является участницей Болонского процесса - масштабного международного образовательного проекта, который позволит сблизить стандарты образования в европейских странах. Кроме очевидных выгод от такого сотрудничества для российских студентов (возможность обучения за границей, удобная и понятная система оценки знаний, признаваемая всеми ВУЗами), можно говорить и об ожидаемых благоприятных эффектах для российской мягкой власти. Если результатом Болонского процесса станет возрастание потоков иностранных студентов и преподавателей, приезжающих в Россию, то есть надежда на формирование таких долгосрочных связей, которые позволят рассчитывать на поддержку российской политики в будущем и на благоприятное отношение к нашей стране.

Е.С. Зиновьева

Научно-техническое измерение мировой политики

Развитие научно-технической сферы оказывает влияние на мировые политические процессы. Примерами служат открытия в ядерной энергетике, ставшие одним из факторов формирования биполярной системы международных отношений, информационная революция, которая, по выражению авторитетного американского политолога Д.Розенау, «спустила с поводка процессы глобализации»⁷².

Влияние научно-технического прогресса (НТП) не является линейным, или однозначно обуславливающим, это лишь один из факторов, определяющих природу международной политики в тот или иной промежуток времени. Однако в конце XX – начале XIX века политическая значимость научно-технических новаций существенно возросла. Научно-техническая революция информационно-коммуникационных технологий и

---

⁷¹ Официальный сайт бизнес-школы Сколково. <http://www.skolkovo.ru/content/view/3/46/lang,ru/>

⁷² Цит. по: Лебедева М.М. Мировая политика. Учебник для вузов. – М.:Аспект-Пресс, 2006. – С. 150.

связи, транспорта, космических систем стала движущей силой, определяющей природу глобализации.

Влияние новых технологий на политическую систему мира

По оценкам экспертов, в будущем определяющее влияние на мировую политику будут оказывать достижения в информационных технологиях, космических системах, нано- и био-технологиях, новых видах энергии⁷³. НТП создает как новые условия для развития государств, новые возможности и области для международного сотрудничества, так и новые сферы международных конфликтов и направления поляризации в международной системе.

Американский исследователь, профессор Массачусетского технологического института Е.Скольникофф обобщает влияние НТП на мировую политику следующим образом⁷⁴:

- изменение баланса сил, международного порядка, его структуры, принципов организации, взаимоотношений между различными акторами международной политики (так, например, научно-технический потенциал во многом определяет уровень экономического развития государства, его военную мощь, и в целом потенциал влияния на международной арене);
- трансформация процессов, протекающих в международной системе, а именно, дипломатии и переговоров, войны и конфликтов, международной торговли и иных экономических взаимоотношений и др. (разработка систем космической навигации и высокоточного оружия стали основой современной революции в военном деле);
- появление новых возможностей и ограничений во внешней политике государств, не только политических, но и природных и социальных

---

⁷³ См. The Global Technology Revolution 2020, Executive Summary: Bio/Nano/Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications / Silbergitt et al. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2006. – xiii, 28 p.

⁷⁴ См. Skolnikoff E. The Elusive Transformation: Science, Technology, and the Evolution of International Politics. – Princeton:Princeton University Press, 1994. – 336 p.

(таких как патовая ситуация «взаимно гарантированного уничтожения» времен Холодной войны);

- создание новых образов, на основании которых мы воспринимаем международную действительность, теоретических концепций мировой политики, и информационных ресурсов для принятия внешнеполитических решений (как отмечает в этой связи российский политолог М.М. Лебедева, если в годы Холодной войны осмысление глобальной политики было в терминах ядерной физики «ядра» и «периферии», то в настоящее время мир мыслится как сложная сеть наподобие Интернета)⁷⁵.

Научно-технические возможности распределены по миру неравномерно, иллюстрацией чего служит проблема «цифрового разрыва», неравенства в доступе к информационно-коммуникационным технологиям как между различными группами стран, так и внутри отдельно взятой страны. Усиливающееся отставание развивающихся стран в технологической сфере может привести к появлению новых линий разделения на международной арене, а в результате и к международным конфликтам.

По мнению известного американского политолога и публициста Ф.Фукуямы, проблема заключается в неравномерном распределении космических, информационных, био- и нано-технологических ресурсов среди стран⁷⁶. Ситуация обостряется тем, что большинство технологий могут быть использованы в гражданских и военных целях, как, например, глобальная система космического позиционирования. Это может повторить ситуацию, сложившуюся в ядерной сфере с режимом нераспространения. Страны, отставшие по тем или причинам в развитии новых технологий, не будут стремиться к какому либо международному сотрудничеству по контролю и тем более ограничению использования военного использования высоких технологий, опасаясь, что соглашения будут лишь

---

⁷⁵ Лебедева М.М. Мировая политика. Учебник для вузов. – М.Аспект-Пресс, 2006. – С. 151.

⁷⁶ Ф. Фукуяма. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М., АСТ, ЛЮКС, 2004. – С. 276

консервировать отсталость⁷⁷. Активное участие негосударственных акторов в развитии и использовании современных технологий еще более затрудняет контроль.

По мнению исследователей, высокотехнологичное производство будет постепенно распространяться по миру. Расширяется география центров базирования современных инноваций. В XIX веке основными центрами сосредоточения инноваций были Великобритания, а позднее Германия и США. В XX веке признанными испытательными полигонами для новых технологий стали США, Япония и другие страны ОЭСР, а ближе к концу века некоторые новые индустриальные страны, такие как Корея, Сингапур, Израиль и др. В XXI веке можно ожидать, что центр инновационной активности будет включать в себя также страны БРИК – Китай, Индию, Бразилию и Россию, принимая во внимание тот факт, что все вышеперечисленные государства активно работают над развитием собственного научно-технического потенциала⁷⁸.

Технологические возможности рассредотачиваются по Земному шару благодаря деятельности транснационального бизнеса. Крупные ТНК, базирующиеся в государствах-членах ОЭСР, финансируют развитие НИОКР в филиалах, расположенных в развивающихся странах, таким образом, создавая условия для принятия и внедрения технических достижений. Транснациональные компании малого и среднего бизнеса также во все большей степени вовлекаются в высокотехнологичное производство⁷⁹.

Корпорацией RAND был проведен анализ тенденций мирового технологического развития до 2020 года. Было выделено 16 ключевых технологий, среди которых как наиболее перспективные были выделены ИКТ, достижения биомедицины и генной инженерии, технологии снижающие вредное воздействие на окружающую среду. По способности

---

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Инновационные направления современных международных отношений. / Под ред. Крутских А.В., Бирюкова А.В. – М.: Аспект-Пресс, 2010. – С. 12.

⁷⁹ См. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2009. OECD publishing, 2009. – 144 p.

создавать и внедрять новые технологии страны были разделены на четыре группы:

- продвинутые в научном плане, способные освоить весь диапазон технологий (США, Канада в Северной Америке, Германия в Европе, Южная Корея и Япония в Азии, Австралия и Израиль);
- Страны, имеющие значительный научный опыт, будут иметь возможность освоить двенадцать из шестнадцати технологий (Китай и Индия в Азии, Россия и Польша в Европе);
- Страны, развивающие науку, освоят девять направлений из шестнадцати (Бразилия, Чили, Колумбия, Мексика в Южной Америке, а также Турция, Индонезия и Южная Африка);
- Отсталые страны смогут внедрить только пять технологий (Египет, Кения, Камерун, Чад, Непал, Доминиканская Республика в Африке, Пакистан, Иран и Иордания в Азии, Грузия в Европе)⁸⁰.

Аналитиками RAND подчеркивается, что приобретение технологий не означает их внедрения и применения в повседневной жизни. Одним из определяющих факторов такой способности является современное состояние научно-технологической базы, уровня самостоятельных исследований, развитая предпринимательская среда и др. Успешное внедрение инноваций зависит также от политической и экономической стабильности, измеряемой в следующих показателях: эффективность государственного управления, уровень коррупции в стране, состояние банковской, финансовой, юридической сфер, уровень научной подготовки и образования, его финансирование, наличие квалифицированной рабочей силы, критической инфраструктуры, демографические аспекты, условия для быстрой коммерциализации новых технологий, наличие природных ресурсов, особенности социальной, политической и культурной среды. Исследователи особо подчеркивают успехи, достигнутые Индией и Китаем, которые, как и

---

⁸⁰ См. The Global Technology Revolution 2020, Executive Summary: Bio/Nano/Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications / Silbergliitt et al. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2006. – xiii, 28 p.

Россия, были отнесены к группе стран со значительным научным опытом, за счет быстрого развития передовых отраслей промышленности и сельского хозяйства, в первую очередь альтернативной энергетики и генной инженерии⁸¹.

Научно-техническая сфера становится одним из важнейших факторов, которые трансформируют современную систему международных отношений, Потенциал государств и иных акторов мировой политики во все большей степени начинают определяться уровнем развития научно-технической базы. Как убедительно показывает профессор МГИМО (У) МИД России Крутских А.В., в современном мире потенциал государства, его возможности на международной арене в значительной степени определяются уровнем развития технологий, науки и образования⁸². Однако, государства не являются единственными субъектами мировой научно-технической сферы, бизнес-структуры становятся все более активными участниками в этой области. В качестве примера можно привести коммерциализацию космических систем, наметившуюся в конце XX - начале XXI веков. До этого реализация проектов в космосе была прерогативой государств в силу сложности и ресурсоемкости этой отрасли.

Развитие новых технологий условия для межгосударственного сотрудничества. В последние годы наметилась тенденция объединения государств на основе общих интересов в области высоких технологий, реализации совместных проектов. Государства объединяются вокруг крупнейших научно-технологических, космических, телекоммуникационных проектов, реализация которых ни с финансовой, ни с технической точки зрения невозможна силами лишь одного государства. Осуществляются такие проекты как Большой Андронный Коллайдер (БАК) в Европейском центре

---

⁸¹ Там же.

⁸² См. Крутских А.В. Научно-технологическая составляющая современных международных отношений. // Современные международные отношения и мировая политика. / Под ред. А.В.Торкунова. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 189 – 222.

ядерных исследований (ЦЕРН), международный экспериментальный термоядерный реактор (ИТЭР) и др.⁸³.

В результате развития новых технологий появляются новые угрозы международной и национальной безопасности. Именно развитие новых технологий, в том числе информационных, лежит в основе современной революции в военном деле. Помимо использования высоких технологий на поле боя, современные конфликты характеризуются широким освещением в СМИ, а также ведением социально-психологических, «информационных войн»⁸⁴. Благодаря использованию передовых технологий, а также формированию глобального информационного пространства, новые возможности асимметричного воздействия получают различные террористические, экстремистки настроенные группировки. В этих условиях дополняется разоруженческая повестка дня, проявляется необходимость дальнейшего развития международного права.

Технологии порождают угрозы не только «жесткой», военно-политической безопасности, но и ее «мягкой», невоенной составляющей. Развитие информационных технологий вкупе с новыми возможностями транспорта, по мнению авторов французского Атласа *Le Monde Diplomatique*, стало одной из причин массовых миграций, которые в последние годы все чаще рассматриваются через призму безопасности. Информация о качестве жизни в странах «золотого миллиарда», передаваемая через интернет и по телевидению, вызывает зависть жителей периферии, и побуждает их переезжать с целью повысить уровень жизни⁸⁵. Более того, в контексте использования новых достижений может возникнуть необходимость по-новому рассматривать такие международные проблемы, как обеспечение прав человека, защита окружающей среды. В информационной сфере остро

---

⁸³ Инновационные направления современных международных отношений. / Под ред. Крутских А.В., Бирюкова А.В. М.: Аспект-Пресс, 2010. – С. 26

⁸⁴ В качестве примера можно привести освещение в СМИ событий августа 2008 г. в Абхазии и Южной Осетии.

⁸⁵ Атлас *Le monde diplomatique* / Греш А., Радваньи Ж., Рекацевич Ф. и др. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2010. – С. 16.

стоит вопрос защиты частной жизни, недопущения «электронного тоталитаризма», тотального государственного и корпоративного контроля с использованием достижений новейших информационных и космических технологий.

Как отмечает Министр иностранных дел России, С.В.Лавров, в современных условиях значительно возрастает востребованность ООН, способной объединить усилия всего мирового сообщества для решения общих проблем безопасности. Изменяется роль специализированных международных организаций, в том числе системы ООН. Во все большей степени ими учитывается политическая составляющая входящих в их компетенцию, казалось бы, сугубо технических вопросов⁸⁶.

Развитие информационных технологий – яркий пример влияния научных открытия на политическую сферу. Информационная революция стала одним из факторов размывания Вестфальской политической мира, более того, информационные технологии, в первую очередь развитие и широкое распространение Интернета, оказали трансформирующее воздействие и на другие сферы жизни общества – культурную, экономическую, социальную.

Глобализация, одна из наиболее значимых тенденций современного мира, в значительной степени была обусловлена развитием и внедрением трансграничных по своей природе новейших научно-технических достижений, в том числе информационных технологий и Интернета. В формирующуюся глобальную технологическую и информационную среду уже переносятся ключевые составляющие международной политической, торгово-экономической, культурной деятельности. Быстро развивается сектор электронной коммерции, многие виды бизнеса переносятся в он-лайн среду, появляются новые продукты и услуги. Одной из новых, спорных и сложных с точки зрения международного регулирования проблем, стало

---

⁸⁶ Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова журналу «Эксперт» №13 (652) 6 апреля 2009 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/13/pronicaemoe_gosudarstvo/

появление т.н. «электронных денег». Широкое использование информационных технологий дало возможность правительствам в режиме реального времени обращаться ко всем гражданам государства, выходить практически на неограниченную международную аудиторию, таким образом, внешняя политика начала работать в режиме он-лайн, постоянно находясь в фокусе СМИ.

В этих условиях размывается понятие суверенитета государств, в границы становятся «прозрачными», особенно наглядно это видно в информационной и финансовой сферах. Глобальные процессы информатизации способствовали увеличению числа участников международных отношений, а также повышению активности и эффективности участия в них. Все более значительный вес на мировой политической арене начали приобретать гражданское общество, крупные, в том числе транснациональные компании, которые теперь имеют беспрепятственный доступ к информации и связь друг с другом. Благодаря формированию глобального информационного пространства у организаций гражданского общества появилась возможность влиять на общественное мнение в глобальном масштабе, привлекать внимание к проблемам. Хотя государство продолжает оставаться наиболее влиятельным актором мировой политики, государственно-центристская модель мира постепенно размывается.

Не смотря на противоречивые последствия развития новых технологий, в том числе информационных, именно в этой сфере создаются предпосылки для формирования и институционализации новых моделей международного сотрудничества, т.н. многоуровневой дипломатии. Показателен пример международного регулирования интернетом.

Управление интернетом как пример международного сотрудничества в сфере высоких технологий

Интернет и вопросы управления им напрямую связаны с процессами глобализации, размывания вестфальской политической системы мира, складывания новых моделей глобального управления. Изменяются роли и функции международных организаций и институтов, выстраиваются новые модели взаимодействия между традиционными и новыми транснациональными участниками международных отношений.

Проблематика регулирования использования и развития интернета (получившая название «управления интернетом» – «internet governance») привлекает в последние годы большое внимание на самом высоком международном уровне. В 2003 и 2005 годах под эгидой ООН прошла Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО), собравший глав государств и высших чиновников наряду с представителями бизнес-сообщества и гражданского общества. Центральной темой ВВУИО явились вопросы управления интернетом, и, в первую очередь, возможность интернационализации контроля над технической инфраструктурой, осуществляемого ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers – Корпорацией по присвоению имен и адресов интернета), которая выполняет свои функции по контракту с Министерством Торговли США. По итогам ВВУИО режим управления интернетом существенных изменений не претерпел, важнейшим итогом следует считать решение о создании ежегодного Форума по вопросам управления использованием интернетом (ФУИ), который начал свою работу с 2006 года. Форум проходит в формате многостороннего диалога, в обсуждениях принимают участие государства, представители бизнеса, межправительственные и неправительственные организации.

Трансграничная природа Интернета диктует необходимость в международном и даже глобальном регулировании. Возможно, именно в ходе развития механизмов управления Интернетом будут выработаны новые формы международного сотрудничества, которые затем можно будет применить к другим областям международных отношений. Немецкий

исследователь, профессор университета в Аархусе В. Кляйнвехтер полагает, что в отношении Интернета формируется новая модель многоуровневого глобального управления, субъектами которой являются как государства, так и неправительственные акторы. По мнению исследователя, подобные модели более гибкие и адаптивные, лучше приспособленные к быстро изменяющимся условиям глобализации. Отметим, что многоуровневая дипломатия регулирования Интернета – явление не уникальное, такого рода партнерства могут складываться в ходе урегулирования конфликтов, управления общими ресурсами, например водными.

Профессор Университета Тафтс Д. Дрезнер, мыслящий в духе политического реализма, подчеркивает, что государства, в особенности, великие державы, являются наиболее влиятельными акторами в информационной сфере, определяют направления развития и использования Интернета. Влияние же неправительственных организаций весьма ограничено, они выступают в качестве ширмы, маскирующей истинные намерения наиболее влиятельных государств⁸⁷.

Складывание многоуровневого подхода не означает исчезновения традиционной силовой политики и проведения государствами национальных интересов. Американский политолог, один из авторов теории взаимозависимости, Дж. Най полагает, что киберпространство не заменит географическое пространство и не уничтожит государственный суверенитет, но будет сосуществовать с ними и значительно усложнит существование суверенных государств и в особенности сильных государств. По мере того, как США формируют свою внешнюю политику в информационную эпоху, им придется во все большей степени осознавать значимость того, каким образом ИКТ создают новые коммуникации, усиливают отдельных граждан, и неправительственных акторов, и увеличивают роль «мягкой силы»⁸⁸.

---

⁸⁷ Drezner D. The Global Governance of the Internet: Bringing the State Back In // Political Science Quarterly. – 2004. – № 3 (119). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.danieldrezner.com/research/egovernance.pdf>

⁸⁸ Governance.com: democracy in the information age. / Ed. by Kamarck C., Nye J. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2002. - P.62

Схожие идеи высказывает российский автор А.И. Быков, который подчеркивает информационную сущность современной геополитики, когда информационные технологии становятся инструментом культурной экспансии, а международно-политические противоречия и борьба за лидерство, характерные для реальной геополитики, переносятся в информационное пространство⁸⁹.

Ситуация, сложившаяся в сфере управления Интернетом, может быть проанализирована на основании концепции глобального управления, предложенной авторитетным исследователем Дж. Розенау в 1990-х гг. XX века, который отмечал, что современный мир «раздваивается» на два взаимозависимых, но относительно самостоятельных поля. С одной стороны, это межгосударственные взаимоотношения; с другой – взаимодействие «актеров вне суверенитета», негосударственных участников. Новизну ситуации он характеризовал как «пост-международную политику»⁹⁰. Исследователь также подчеркивал растущую роль организаций гражданского общества, предпринимательских структур и иных негосударственных акторов⁹¹.

Схожую мысль высказывает отечественный политолог А. Коновалов. По его мнению, в настоящее время происходит формирование новой биполярности. Один из ее полюсов представлен государствами, которые руководствуются в своем поведении едиными ценностями, правилами и нормами, а другой - разнородным конгломератом государств и негосударственных действующих лиц⁹². Глобализация обострила межгосударственное соперничество. Это хорошо видно на примере регулирования столь ценного в экономическом и политическом плане ресурса как Интернет. Интернационализация регулирования Интернетом

---

⁸⁹ Быков А. Информационная сущность геополитики. // Космополис. – 2008. - №3(22). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cosmopolis.mgimo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=210

⁹⁰ См. Rosenau J. Governance in the 21st century. // Global governance: a review of multilateralism and international organization. – 1995. – № 1 (1). – P. 13-43.

⁹¹ Ibidem

⁹² См. Коновалов А. Новая биполярность и дефицит адекватности // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 2 (3).- С.23-28.

неизбежно противоречит экономическим и политическим интересам США. Глобальное управление требует частично отказаться от суверенитета, но руководство США продолжает считать, что США должны воздерживаться от обязательств, подрывающих их единоличную роль, дистанцироваться от связывающих их действия международных организаций⁹³.

В настоящее время не очевидно в каком направлении будет развиваться режим управления Интернетом – будет ли это межгосударственное регулирование при участии бизнес-структур, или же организациям гражданского общества удастся сохранить и упрочить свои позиции. Мир становится все более сложным и многополярным, что находит отражение и в информационном пространстве. Дж. Най полагает, что киберпространство не заменит географическое пространство и не уничтожит государственный суверенитет, но будет сосуществовать с ними и значительно усложнит существование суверенных государств и в особенности сильных государств⁹⁴. И если в информационном пространстве долгое время доминирующие позиции занимали США, то в настоящее время есть основания полагать, что баланс сил постепенно будет изменяться, причем в качестве центров влияния будут выступать не только государства, но и бизнес-структуры, а также, возможно, неправительственные организации.

Открытая, доступная модель, на которой основан Интернет способствует инновациям, развитию экономики в целом и стимулирует свободную предпринимательскую деятельность. Однако, по мере того, как в мире увеличивается число авторитарных государств, открытая модель Интернета и многоуровневая дипломатия становятся менее востребованными. В этих условиях возникает опасность фрагментации Интернета, распада его на несколько несвязанных сегментов. Такого рода фрагментация возможна либо за счет формирования закрытых,

---

⁹³ Цыганков П.А. Мировая политика и ее содержание. // Международные процессы. — 2005. - № 1(7). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seventh/005.htm>

⁹⁴ Governance.com: democracy in the information age. / Ed. by Kamarck C., Nye J. — Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2002. - p.62

внутригосударственных «островов» Интернета или же формирования параллельных проектов Интернета, за счет создания альтернативной системы доменных имен⁹⁵.

В Интернете наметился рост влияния коммерческих интересов. Крупные компании также создают собственные информационные сферы, где они устанавливают правила и контролируют или ограничивают ее связь с другими частями Интернета. Яркий пример тому – социальные сети, формирующие транснациональные информационные пространства, устанавливая в них собственные режимы обработки персональной информации. Таким образом, происходит распространение по большей части западных стандартов поведения, западных ценностей, моделей ведения бизнеса, а также коммерческих стандартов, напр., стандартов передачи данных и др. Все это наталкивается на сопротивления принимающих государств.

По мнению В. Кляйнвехтера, противоречия в отношении управления Интернетом, – это фундаментальный ценностный конфликт между различными заинтересованными акторами, государственными и негосударственными, относительно того каким образом глобальный Интернет должен быть организован, и более того, каким образом следует осуществлять управление глобальным информационным обществом, которое основывается на Интернете как на базовой инфраструктуре⁹⁶.

Однако в целом, как представляется, в современных условиях государства не могут осуществлять управление без привлечения негосударственных акторов. Сохранение традиционно характеризующей Интернет инновационной природы требует организованного на постоянной основе взаимодействия правительств, представителей экспертного и бизнес сообщества, неправительственных организаций.

---

⁹⁵ См. The future of the internet. A virtual counter-revolution. / Economist. – 2.09.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economist.com/node/16941635>

⁹⁶ Kleinwächter, W. Global Governance in the Information Age // Center for Internet Research, University of Aarhus, - 2001, - p. 17

В 2010 г. на уровне ООН было принято решение продолжить практику многоуровневого многостороннего обсуждения в рамках Форума по вопросам управления Интернетом. Кроме того, складывание многоуровневого взаимодействия наблюдается и в других областях международной политики: в сфере регулирования водных ресурсов, защиты прав человека и др. Как отмечает П.А. Цыганков, «отныне ресурсы воспринимаются глобально – как огромные запасы, которые необходимо наилучшим образом распределить между всеми людьми планеты. В распределении этих ресурсов и в формировании системы глобального управления в целом участвуют не только государственные институты, но и организации гражданского общества, и многообразные бизнес-структуры. Их представители во всех трех названных секторах заинтересованы в надежных формах регулирования мировых процессов»⁹⁷.

Эта тенденция находит свое отражение и в отношении Интернета, который все больше рассматривается как общий ресурс всего человечества, в рациональном использовании и разумном регулировании заинтересованы не только государства, но и все иные акторы. Именно в сфере управления Интернетом многоуровневое взаимодействие получило наиболее «сильное» институциональное оформление. Таким образом, тенденции, наблюдаемые в отношении Интернета – еще один симптом эрозии вестфальской системы мира, перестройки традиционной системы взаимоотношений между различными заинтересованными группами и изменения подходов к регулированию той или иной области международных отношений.

Многоуровневое глобальное управление Интернетом призвано,
– учесть требования развивающихся стран о необходимости контроля над средством коммуникации, от функционирования которого они во все большей степени зависят;

---

⁹⁷ Цыганков П.А. Мировая политика и ее содержание. // Международные процессы. — 2005. - № 1(7). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seventh/005.htm>

- опираться на опыт и знания специализированных организаций и представителей экспертного сообщества;
- мобилизовать опыт и легитимность международных неправительственных организаций, а также ресурсы легитимности и правосубъектности государств и межправительственных организаций;
- стимулировать инновационное развитие технологии за счет привлечения частного сектора.

При этом роль государств и межправительственных организаций в процессах управления должна быть ведущей, координирующей. Таким образом, складывается новая модель взаимодействия, в рамках которой государство остается ведущим, но не единственным международным актором.

Научно-технические достижения открывают перед человеком новые перспективы, новые возможности. Они позволяют преодолеть накладываемые природой ограничения, в том числе ресурсные, создают перспективы экономического и социального роста. Однако, новые технологии влекут за собой появление новых рисков и вызовов. Появляются новые проблемы международных отношений, по-новому и в новом контексте рассматриваются традиционные проблемы, дополняется международная повестка дня, расширяется состав акторов мировой политики. Важно, что именно в высокотехнологичных областях мировой политики складываются новые модели транснационального взаимодействия, как в отношении Интернета.

Библиография:

1. Инновационные направления современных международных отношений. / Под ред. А.В. Крутских, А.В. Бирюкова. М.: Аспект-Пресс, 2010. – 295 с.

2. Й.Курбалиа. Управление интернетом. – М.: Координационный центр национального домена сети Интернет, 2010. – 142 с.
3. Роговский Е.А. США информационное общество – экономика и политика. – М.: Международные отношения, 2008. – 408 с.
4. The Global Technology Revolution 2020, Executive Summary: Bio/Nano/Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications / Silbergliitt et al. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2006. – xiii, 28 p.
5. The Power of Ideas: Internet Governance in a Global Multi-Stakeholder Environment / Ed. By Kleinwächter W. – Berlin: Wagner Translations Ltd., 2007 – 294 p

Е.В. Колдунова

Глобальное и региональное международное сотрудничество после кризиса: роль Восточной Азии и России

Мировой экономический кризис выявил значительные противоречия и проблемные аспекты современной модели развития многих стран мира и глобальной экономической системы в целом. Он также оказался своеобразной проверкой на прочность для различных как старых, так и новых региональных центров силы. Так, например, динамика и тенденции развития кризиса выявили новые проблемы в современной европейской модели интеграции, явно продемонстрировавшей свою уязвимость перед такого рода глобальными явлениями.

Однако вместе с тем кризисный период стал временем трансформации старых и формирования новых форм и параметров глобального и регионального сотрудничества, среди которых «Большая двадцатка», БРИК, в Восточноазиатском регионе - расширенный формат Восточноазиатского саммита, саммит Китай-Япония-Южная Корея и ряд других механизмов.

Учитывая отмеченные выше аспекты, целью представленного исследования является анализ роли стран расширенного региона Восточной

Азии, рассматриваемого рядом экспертов в качестве одного из новых мировых центров экономического роста, и России, в новых процессах глобального и регионального сотрудничества.

Необходимо отметить, что в условиях сложного процесса выхода из мирового экономического кризиса все страны и региональные центры силы проявили особый интерес к поиску дополнительных экономических возможностей, в качестве которых, в частности выступили новые форматы регионального и макрорегионального сотрудничества. Кроме того, с появлением группы так называемых растущих экономик вполне очевидным стал тот факт, что геоэкономические механизмы международного взаимодействия и регулирования приходят на смену другим формам выстраивания отношений.

Мировой экономический кризис уже существенно изменил расстановку экономических и политических сил в мире. Необратимым стал процесс сдвига центров мирового экономического роста. В 2010 г., согласно оценкам МВФ, положительный рост мировой экономики обеспечивался в основном перспективными развивающимися странами, многие из которых относятся именно к Восточной Азии. Этот факт подтверждается также и данными Всемирного банка, согласно которым, совокупный рост ВВП по региону в 2010 г. составил около 9%.

Несмотря на то, что в посткризисной ситуации двигателем восточноазиатского регионального экономического роста выступал в первую очередь Китай, необходимо принимать во внимание также и тот факт, что в современных условиях новые центры экономического роста предстают не столько в форме отдельных государств-лидеров, но скорее стран, развивающиеся в контексте окружающего их регионального и макрорегионального пространства. Отмеченную тенденцию уже вряд ли смогут игнорировать не только страны среднего уровня, но и крупные развитые и растущие государства, к числу которых некоторые эксперты относят и Россию. Все сказанное обуславливает важность учета

пространственной проекции экономического развития и фактора региональных и межрегиональных связей.

Реагирование на экономический кризис глобального масштаба потребовало соответствующих институциональных форм. По сути, в мире началась эволюция институтов глобального политико-экономического регулирования в направлении большего учета интересов основных развивающихся стран, на что была направлена в том числе и деятельность такого относительно молодого механизма сотрудничества как Группа двадцати, или «Большая двадцатка» (G20).

Идея «Большой двадцатки» возникла еще в 1999 г., когда лидеры ведущих западных государств обратились к президенту Бундесбанка Гансу Титмайеру с просьбой предложить новые форматы глобального экономического управления. Именно тогда было решено создать два новых международных института – «Большую двадцатку», которая объединяла бы министров финансов и представителей Центробанков, и Форум финансовой стабильности⁹⁸. Причем членство в Форуме финансовой стабильности было более избирательными и лишь в канун разразившегося кризиса участники саммита «Большой двадцатки» в Вашингтоне (ноябрь 2008 г.) приняли решение принять в состав Форума Россию, Китай и ряд других участников двадцатки из числа развивающихся государств.

На данный момент эти форумы рассматриваются как основные форматы для диалога развитых и основных растущих и развивающихся экономик в контексте реформирования мировой финансовой структуры и поисков путей выхода из кризиса. Однако одного наличия новых механизмов еще не достаточно. Необходимо, чтобы они доказали свою эффективность и путем международного сотрудничества на глобальном и региональном уровне предотвратили излишнюю экономическую дезинтеграцию мира. Именно на это была нацелена, в частности, и повестка дня, предложенная Республикой Кореей для саммита Большой двадцатки в Сеуле в ноябре 2010 г. и

---

⁹⁸ Bhattacharya A. A Tangled Web// Finance&Development. - 2009. – March. – P.41.

включающая в себя задачи формирования региональных и глобальных сетей финансовой безопасности, сокращения разрывов в уровнях развития между странами Восточной Азии и в мире в целом, усиления роли частного бизнеса в посткризисном развитии.

В некоторой степени по аналогии с ситуацией, сложившейся после кризиса 1997-98 гг. непосредственно сами страны Восточной Азии также предприняли ряд попыток реформирования региональных финансово-экономических структур. Так, в мае 2009 г. на встрече министров финансов в формате АСЕАН+3 (страны Юго-Восточной Азии плюс КНР, Япония и Южная Корея) в целях борьбы с кризисом было принято решение о создании регионального банка валютных резервов в размере 120 млрд. долларов. При этом предполагалось, что сформированный резервный фонд поможет странам-участницам решить проблемы с краткосрочной ликвидностью и сохранить устойчивый курс национальных валют. Более того, созданный институт должен стать органичным дополнением уже существующих международных финансовых механизмов⁹⁹. Следует также отметить, что принятое решение, по сути, является структурным развитием так называемой «Чиенгмайской инициативы»¹⁰⁰, институционально оформившей в 2000 г. идею регионального финансового института взаимопомощи. На этом фоне активизировались также и сторонники идеи создания региональной валюты, в качестве претендентов на роль которой теперь уже выдвигается не только АКЮ, но и юань.

Отдельного внимания заслуживает также такой новый механизм регионального сотрудничества как саммит Китая, Японии и Южной Кореи, ранее выступавший скорее в качестве составного элемента формата АСЕАН+3, но на данном этапе оформившийся в самостоятельную структуру

---

⁹⁹ The Joint Media Statement of the 12th ASEAN Plus Three Finance Ministers' Meeting. Bali, Indonesia, 3 May 2009/ URL: <http://www.asean.org/22537.htm>

¹⁰⁰ «Чиангамайская инициатива» предполагала возможность заключения двусторонних соглашений о валютных свопах странами АСЕАН.

взаимодействия по вопросам политического и экономического сотрудничества.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на все многообразие новые форм сотрудничества, возникших в кризисный и посткризисный период, все они пока что нацелены лишь на относительно поверхностную корректировку существующей финансово-экономической системы мира и пока не предлагают каких-либо действительно альтернативных моделей развития или глобального регулирования.

Подводя итоги, следует также сказать о том, каковы перспективы включения России в обозначенные посткризисные региональные процессы сотрудничества в Восточной Азии.

С одной стороны, очевидным показателем «нормализации» российской внешней политики является присоединение в 2010 г. России ко многим значимым форматам регионального и межрегионального сотрудничества. Среди них, в частности, можно отметить АСЕМ и Восточноазиатский саммит. Очевидно, также, что на данном этапе характер возможного участия России в процессах восточноазиатского регионального сотрудничества существенно отличается от предыдущих десятилетий, поскольку Россия вполне может предложить реальное наполнение двусторонних и многосторонних проектов. В частности, как отмечает ряд экспертов, осуществление двусторонних и многосторонних проектов в Сибири и на Дальнем Востоке, а также инвестирование в развитие континентальных районов России и Китая, могло бы стать одним из новых источников экономического роста, которые остро необходимы региону в посткризисный период¹⁰¹.

Кроме того, идея связи Европы и Азии через Россию, не подкупающая своей новизной, но, тем не менее, приобретающая реальные институциональные очертания в форме участия российской стороны в

---

¹⁰¹ В частности, данный тезис высказывался А.Д. Воскресенским и Лю Юфа в ходе второй трехсторонней конференции МГИМО-ИФАНС-КИМП в Сеуле (ноябрь 2010 г.).

АСЕМ, может предоставить еще один шанс для трансевразийских инфраструктурных проектов с участием России, уникальность которых в недалеком будущем вполне может быть оспорена совместными проектами Китая и государств Центральной Азии.

С другой стороны, задачи модернизации российской экономики, а также подъема азиатских регионов России в полной мере ставит перед Россией и ее политической элитой важную, но достаточно долго игнорируемую задачу координации западного и восточного векторов своей внешней политики. Такая задача объясняется тем простым фактом, что основные параметры современной экономической и высокотехнологической модели, на которую предполагается ориентироваться России в процессе модернизации, в общем и целом сформировались в первую очередь на Западе, в то время как ресурсы модернизации Сибири и Дальнего Востока вполне могут быть привлечены за счет совместных проектов с восточноазиатскими партнерами. А это, в свою очередь, означает необходимость формирования стратегии в отношении Европы с учетом основных внешнеполитических целей на восточноазиатском направлении и наоборот. Именно в данном контексте следует понимать те возможности соразвития с европейским и восточноазиатским регионами, которые открывает перед Россией сложившаяся ситуация.

Е.С. Хохлова

Политическая роль бизнеса в преодолении современного экономического кризиса

В докризисный период, то есть до 2008 г., многие исследователи говорили об изменениях в системе международных отношений и мировой политики, позволяющих сделать вывод об увеличении роли негосударственных акторов, таких как неправительственные организации, различные политические движения, а также акторы, принадлежавшие ранее

традиционно исключительно к экономической сфере жизни мирового сообщества¹⁰².

Однако, случившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис, быстро перешедший в кризис экономический, который не завершился до сих пор, заново поставил вопрос о жизнеспособности бизнеса отдельно от государства, и наоборот.

Государственные и негосударственные акторы, подвергшиеся влиянию глобального экономического кризиса, пока не успевают реагировать на произошедшие изменения и выработать своевременные программы действий, направленные на улучшение ситуации.

Некоторые аналитики предсказывали скорое наступление кризиса ещё в 2007 г.¹⁰³ Причём, в глобальном хозяйстве сложилась ситуация, когда возможности рынков были уже исчерпаны, что привело к снижению доходов рабочих в 2007 г. в США. Так, с 2007 года по 2008 год, медианный реальный доход белой семьи, нелатиноамериканского происхождения, снизился на 2,6% (до 55 530 долл. США); среди афроамериканцев это снижение составило 2,8% (до 34 218 долл. США); медианный доход азиатов снизился на 4,4% (до 65 637 долл. США); а среди латиноамериканцев данное снижение составило 5,6% (до 37 913 долл. США).¹⁰⁴ Однако, то, что ипотечное и потребительское кредитование всё ещё продолжало расти, подобные явления остались практически без внимания со стороны экспертов-экономистов. Особенностью же сложившейся ситуации по сравнению с предыдущими глобальными кризисами заключалась в том, что наблюдалось

---

¹⁰² См. напр., Лебедева М. М. Что будет с государством после окончания экономического кризиса? // Круглый стол, Полис - №3, 2009: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/3/2.htm>

¹⁰³ Интервью с руководителем Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО) В. Колташовым // Информационное агентство «Realty Press»: <http://www.realtypress.ru/intervjyu/12-02-2008.html>

¹⁰⁴ Доходы, бедность и численность жителей США, имевших медицинскую страховку. Данные за 2008г. // Аналитических портал «Макроэкономика»: <http://www.analitikaiprognoz.ru/?cat=news/economics>

перепроизводство не столько реальных товаров, сколько капиталов и различного рода услуг финансового сектора.¹⁰⁵

Согласно теории С. Стрэндж, то, что система экономики увеличилась до глобальных масштабов и в неё оказались вовлечёнными все государства мира, создало для них три основных непреодолимых в рамках Вестфальской модели мира проблемы: защита окружающей среды, сохранение социально-экономического баланса между богатыми и бедными и управление мировой финансовой системой¹⁰⁶. Можно сказать, что две последние причины во многом составили и основу современного кризиса: государствам не удалось ни справиться с финансовыми «мыльными пузырями», ни предотвратить падение доходов населения, а значит, сохранить баланс между доходами обеспеченных и малоимущих, поскольку последние неизбежно оказываются одной из наиболее незащищённых сторон в ходе экономических кризисов (одним из фактических тому подтверждений могут служить массовые сокращения рабочих в Европе, например, в машиностроительной отрасли в Германии¹⁰⁷).

Бизнес-структуры глобального уровня играли важную роль в складывании опасной политико-экономической обстановки, так как именно их погони за прибылями в отсутствие желания считаться с интересами мировой экономической системы приводили к «раздуванию» кредитных, ипотечных и иных финансовых «мыльных пузырей».

Кризис продемонстрировал, что транснациональный бизнес и государства взаимосвязаны настолько сильно, что не только провал государства в регулировании тех или иных процессов может негативно повлиять на развитие сугубо экономических негосударственных акторов, но и наоборот. Причём, кризис, начавшийся с финансовой сферы, в конечном

---

¹⁰⁵ Интервью с руководителем Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО) В. Колташовым // Информационное агентство «Realty Press»: <http://www.realtypress.ru/intervjyu/12-02-2008.html>

¹⁰⁶ Strange S. The Westfailure System // Review of International Studies. – 1999. – Vol. 25. – P. 345-354

¹⁰⁷ См., например: Машиностроение Германии переживает крупнейший в истории спад // Информационное агентство «Regnum»: <http://www.regnum.ru/news/1145884.html>

итоге повлиял и на другие, включая политическую, что демонстрирует существующую в глобальном мировом сообществе взаимозависимость различных групп акторов, явившуюся одним из следствий процесса глобализации.

На данный момент возможно также судить и о тех трансформациях, которые произошли в экономике, по сравнению с классической её моделью предложенной экономистом А. Смитом, а также о том, как эти изменения повлияли на формирование «предкризисной» обстановки в политико-экономической системе.

Проанализировав состояние глобальной политико-экономической системы в докризисный период, возможно заключить, что как государственная политика в сфере экономического регулирования в национальном, региональном и глобальном масштабах, так и деятельность транснационального бизнеса (ТНК, а также малого и среднего бизнеса), привели к тому, что возникла кризисная ситуация.

**Деятельность различных акторов мировой политики и экономики,
направленная на преодоление современного глобального
экономического кризиса**

Деятельность государств

Лишь государства являются полноправными субъектами международного права, а также они остаются основными акторами глобальной политической системы, сосредотачивающими в своих руках центральные полномочия по оказанию на неё влияние, а значит, во-первых, именно на них мировое общественное мнение стало возлагать ответственность за разразившийся кризис, во-вторых, они, осознавая серьёзность ситуации, сформулировали значительное количество инициатив по сотрудничеству с бизнесом, направленных на регулирование ситуации.

В числе государственных инициатив, направленных на сотрудничество с бизнесом, стоит отметить и то место, которое было уделено обсуждению данной проблематики в ходе прошедших в течение 2008-2010 гг. встречах в

рамках межправительственных организаций и форумов, таких как ЕС, АТЭС, «Большая двадцатка» и других.

Таким образом, при анализе сложившейся ситуации стоит учитывать возможное скорое объявление дефолта рядом стран, что является событием отнюдь не только экономическим, но и политическим, поскольку крайне негативно влияет на имидж страны, критически снижает доверие к ней не только как к торговому партнёру, но и как с политическому. И данные последствия драматическим образом повлияют на развитие мировых политико-экономических связей ещё и потому, что ряд страны, находящихся на грани банкротства, входят в Европейский Союз, а значит, тесно связаны с его остальными членами.

Что касается «Большой двадцатки», то данное совещание, хоть и было учреждено в 1999 г. после азиатского экономического кризиса, но до 2008 г., до саммита в Вашингтоне, не проводило встреч-обсуждений на высшем уровне.¹⁰⁸ При этом уже в ко второй встрече «Групп Двдцати» были привлечены представители бизнеса, принявшие участие в специальной конференции, прошедшей непосредственно перед саммитом, в ходе которой участники мирового бизнес-сообщества высказали свое мнение о мерах по государственной поддержке экономики в условиях глобального кризиса, а также выработали повестку дня по устранению последних препятствий на пути установления режима свободной торговли. По этому поводу, британский министр бизнеса и предпринимательства лорд Питер Манделсон, заявил: «Реальность такова, что сейчас мы живем в глобализованном мире, где небольшой семейный бизнес в Великобритании чувствует на себе последствия решений корпораций и правительств всего мира»¹⁰⁹ Такие заявления, которые делаются на официальном уровне, показывают существующее среди государств признание значительной роли бизнеса в

---

¹⁰⁸ Официальный сайт «Группы Двдцати»: <http://www.g20.org/>

¹⁰⁹ Форум бизнес-лидеров G20 пройдёт в Лондоне перед саммитом «Двдцатки» // Информационное агентство РИА-Новости: <http://www.rian.ru/crisis/20090305/163990868.html>

процессе антикризисного регулирования глобальных политико-экономических отношений.

Среди исследователей существует также мнение, что кризис продемонстрировал неспособность глобальной экономики функционировать, основываясь только на принципах саморегулирования, что привело к тому, что государства стали активнее использовать финансовые и кредитные механизмы воздействия на экономическую сферу и частный сектор, предоставляя средства компаниям в обмен на выполнение ими требований в сфере, в частности, социальной ответственности.¹¹⁰ Данная тенденция говорит о существующем всё же некотором недоверии государства к бизнесу, стремлению контролировать частный сектор с целью нормализации экономической обстановки в отдельных странах и в мире.

Однако, в целом, можно сказать, что при всей позитивной динамике развития по направлению к многостороннему сотрудничеству, стало также очевидно, что, к сожалению, ни государства, ни бизнес-акторы пока отчётливо не представляют, как институционализировать подобные совещания, перевести их, иными словами, в формат конкретных решений, поскольку развитие процесса кооперации напрямую зависит от поиска компромисса между интересами бизнеса и власти, которого, в рамках ограниченных экономических и финансовых возможностей, ещё сложнее достичь. Тем не менее, подобная возможность остаётся реальной для отдельных государств и их объединений, в первую очередь, для Евросоюза

Деятельность бизнес-структур

По мнению ряда исследователей, кризис поставил под сомнение существующую систему взаимоотношений между государствами и бизнесом, систему регулирования экономических процессов, в результате чего возник повышенный интерес к институтам-«гибридам», основанным на проведении

---

¹¹⁰ Н.В. Загладин Закономерный этап циклического развития // Круглый стол «Социально-политические последствия современного кризиса и проблемы кризисного регулирования», Полис, №1, 2010: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2010/1/10.htm>

совещаний между государствами и бизнес-акторами.¹¹¹ Такими структурами выступают, в первую очередь, многочисленные переговорные площадки, представленные в виде внутригосударственных, региональных или глобальных форумов и сообществах, например: Петербургский международный экономический форум, Всемирный экономический форум («Давосский форум»), Международный экономический форум, прошедший в Великом Новгороде в июне 2009 г. (этот форум примечателен тем, что на нём присутствовали не только представители власти и бизнеса из России, но также и, к примеру, из стран Северной Европы, что придало ему международный статус), Всемирный экономический форум для Латинской Америки и другие инициативы.

Примечательно, что кризис выявил необходимость сотрудничества не только в финансовой и производственной сферах, но также и в таких областях, как экология, проблема бедности, проблема исчерпаемости ресурсов, сотрудничество в сфере регулирования миграционных потоков и т.п.¹¹² Безусловно, обсуждение этих вопросов началось до кризиса, однако кризис интенсифицировал этот процесс в силу того, что как государствам, так и, в особенности, бизнес-акторам пришлось пересмотреть свои затраты на различные сферы своей деятельности, оптимизировать свою работу. При этом, можно сказать, что позиции бизнеса и государств при обсуждении подобных комплексных проблем разнятся: если для правительств важнее углубление социальной ответственности бизнеса в силу традиционных государственных функций по заботе о своём населении, то для компаний больший интерес представляет, например, унификация законодательства и согласование позиций государств в глобальном и региональном масштабах по таким вопросам, как, например, регулирование миграционных потоков, условия труда и его оплаты. Однако представляется, что вопрос о ресурсах

---

¹¹¹ Там же

¹¹² Семененко И.С. О ресурсах выхода из кризиса и контурах новой парадигмы развития // Круглый стол «Социально-политические последствия современного кризиса и проблемы кризисного регулирования», Полис, №1, 2010: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2010/1/10.htm>

одинаково насыщен как для корпораций (поскольку от стоимости их добычи и использования напрямую зависит и ведение ими бизнеса), так и для государств (так как во многих странах активно используется понятие «экономической безопасности», включающей в себя заботу об обеспечении страны необходимыми ресурсами). Более того, проблема ресурсов обостряется ещё и позицией ряда стран, а также активных общественных движений экологической направленности, выступающих за защиту окружающей среды и уменьшение выработки ряда ресурсов.

При этом возможно предположить, что кроме причин чисто экономического характера, таких как стремление к выгоде, влияние на масштабы бегства капитала оказывает существующая в той или иной стране политическая культура, а также корпоративная этика.

Помимо форумов и сферы инвестиций, интересными представляются такие инициативы бизнеса, как формулирование предложений к правительствам стран, направленных на реформирование экономики. Например, это предложения российского бизнеса, представленные 26 февраля 2009 года в ходе «Антикризисного совещания бизнеса», созванного по инициативе «Некоммерческого Партнёрства Бизнес Солидарность» - «Платформа 2009: 10 предложений Правительству РФ по антикризисным мерам в экономической политике». Так, представители компаний формулируют принципы, на которые должно опираться руководство страны при разработке политической программы в экономической сфере: прозрачность действий государства, рост эффективности, оперативность, антикоррупционность, а также ряд конкретных предложений по налоговым схемам, распределению средств из государственного бюджета и так далее.¹¹³ При этом заместитель министра финансов РФ Сергей Сторчак выразил пожелание, чтобы «Платформа-2009» была синхронизирована в части мер господдержки с решениями саммита «двадцатки», который состоится в

---

¹¹³ Антикризисное совещание бизнеса: 10 предложений правительству // Организация защиты предприятий «Бизнес Солидарность»: <http://www.kapitalisty.ru/main/podrobnnee/031/>

Лондоне¹¹⁴, что показывает готовность властных кругов прислушаться к мнению бизнеса.

Таким образом, бизнес сфера предпринимает шаги по расширению партнёрства с государствами, но заботится при этом не столько о глобальных политико-экономических интересах мирового сообщества, сколько о собственной выживаемости и выгоде в условиях кризиса и посткризисного миростроительства.

Посткризисные сценарии развития отношений между государством и бизнесом

Региональные сценарии

Ещё до наступления современного экономического кризиса некоторые аналитики стали выдвигать предположения о том, что господствующая в мире капиталистическая модель рыночного регулирования экономики в том виде, к в котором она сейчас существует, не способна по своей сути больше справиться с вызовами современного мира¹¹⁵, а уже начальной фазе кризиса появились идеи о том, что «нынешний кризис и программы по его преодолению показали, что *нарастание государственного вмешательства в экономику не всегда отвечает интересам большинства граждан*. Так, в последние месяцы триллионы долларов, выделяемые из средств, полученных от граждан, направляются правительствами США и ЕС, а также и в России на поддержку, прежде всего частных финансовых институтов, то есть именно тех экономических агентов, чья спекулятивная деятельность и чьи сверхвысокие доходы стали непосредственным спусковым крючком кризиса».¹¹⁶ Малая эффективность данной стратегии привела к тому, что усилилось внимание к альтернативным регионально-культурным

---

¹¹⁴ Бизнес выработал собственный пакет антикризисных мер // Национальное Деловое Партнёрство «Альянс Медиа»: <http://www.allmedia.ru/newsitem.asp?id=843606>

¹¹⁵ Например: Сорос Дж. Кризис мирового капитализма // М.: ИНФРА-М, 1999 – 262 с.

¹¹⁶ Бугалин А., Колганов А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития // Экономический портал «Экономика России и мировая экономика»: <http://institutions.com/theories/1166-mirovoj-ekonomicheskij-krizis.html>

экономическим моделям регулирования экономики, в частности к китайской и исламской модели.

Китай представляет в данном случае интерес для исследования, поскольку он является одной из стран, наиболее успешно преодолевающей кризис. Так, текущая отчетность из Китая не позволяет утверждать, что Китай охвачен кризисом, «агентство Синьхуа сообщило в октябре 2008 года, что по результатам первых трех кварталов 2008 года отмечен заметный рост чистой прибыли Промышленно-торгового банка Китая (ПТБК), Китайского строительного банка (КСБ) и Банка Китая (БК) - трех крупнейших государственных банков, акции которых котируются на фондовых биржах».¹¹⁷ При этом, такая ситуация во многом связана с нестандартным ответом Китая на возникшие кризисные тенденции. Так, два основных направления асимметричного ответа Китая – это развитие внутреннего рынка и "экономики знаний"¹¹⁸, что свидетельствует о вдумчивой политике китайского руководства, среди приоритетов которого – долговременное планирование экономики и стабильность социально-политической обстановки в стране. Таким образом, в первую очередь, китайская модель – это воплощение принципов социализма в жизнь средствами рыночной экономики.

К тому же, в Китае была принята программа перестройки внутренней экономики, успех которой напрямую зависит от того, удастся ли государству привлечь к ее осуществлению бизнес, что подчёркивает признание Всекитайским собранием народных представителей важной роли бизнеса в преодолении кризиса. Китайские власти фактически предлагают стране новый вариант общественного договора, реализация которого сулит КНР скорейшее преодоление кризиса и переход от экспортноориентированной модели роста к модели, основанной на внутреннем потреблении, что требует

---

¹¹⁷ Маслов О. Китай и мировой кризис: асимметричный ответ Китая // Еженедельное независимое аналитическое обозрение: <http://www.polit.nnov.ru/2008/11/08/chinasimmetr7/>

¹¹⁸ Маслов О. Китай и мировой кризис: асимметричный ответ Китая // Еженедельное независимое аналитическое обозрение: <http://www.polit.nnov.ru/2008/11/08/chinasimmetr7/>

того, чтобы все основные действующие силы – бизнес и общество – согласились исполнить назначенные им государством роли.¹¹⁹ В китайском антикризисном плане, в отличие от аналогичных проектов в других странах, нет протекционистских условий, к тому же в Китае были даже облегчены условия для иностранных инвестиций¹²⁰, что, наряду с активным участием Поднебесной в различных международных экономических форумах, демонстрирует ещё и стремление Китая к активному сотрудничеству с другими странами в деле преодоления кризиса.

Интересно, что, хотя, по мнению ряда аналитиков, Китай и занимается сейчас «надуванием пузыря» в финансовой сфере за счёт привлечения инвестиций в страну и увеличения масштабов кредитования¹²¹, власти Китая не только не отрицают реальности подобной ситуации, но и заявляют о своей информированности касательно опасностей, которые она в себе таит¹²², а также о готовности активно заниматься «сдуванием пузыря» внутри страны¹²³.

Таким образом, на данный момент ещё не известно, удастся ли лидерам Китая сохранить стабильность экономики страны и экономический рост, однако уже тот факт, что Китаю так долго удалось сглаживать кризисные явления в стране свидетельствует о жизнеспособности китайской модели перехода от плановой к рыночной экономике, модели, которую отличают большая роль государственного регулирования и значительный объем инвестиционных программ.

Итак, Китай представляет для альтернативную модель развития, где внимание политических деятелей сосредоточено на сочетании в проводимой политике социально-ориентированных задач развития и эффективного

---

¹¹⁹ Завадский М. Опора на собственные средства // Деловой еженедельник «Эксперт»: <http://www.expert.ru/printissues/kazakhstan/2009/10/kitay/>

¹²⁰ Там же

¹²¹ См, например: Башкатова А. В Поднебесной становится жарко // «Независимая газета»: http://www.ng.ru/economics/2010-04-19/4_china.html, а также: Гришин К. Китай готовит рынку следующий пузырь // Вести.Ru: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=327366>

¹²² Гришин К. Китай готовит рынку следующий пузырь // Вести.Ru: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=327366>

¹²³ Башкатова А. В Поднебесной становится жарко // «Независимая газета»: http://www.ng.ru/economics/2010-04-19/4_china.html

проведения внутренней и внешней экономической политики с учётом долгосрочной перспективы, а также с активным вовлечением в этот процесс бизнеса.

Что касается исламской модели экономики, то в начале кризиса можно было сделать вывод, что нынешнюю финансовую бурю проще всего будет пережить исламской финансовой системе, в которой, согласно правилам ислама, запрещен ссудный процент – основа богатства и источник бед для традиционного мира денег¹²⁴. Таким образом, итог покорности религиозным законам, а также запрет на взимание фиксированного процента и сложные финансовые инструменты, помогли исламским банкам избежать колоссальных убытков вследствие неуплаты долгов, ставших причиной обвала мировой финансовой системы. Более того, акторы исламской экономики занимают активную позицию на международной арене, проводят независимые бизнес форумы, такие как, например, прошедший в Казани в июне 2009 г. Международный саммит исламского бизнеса и финансов, в котором приняли представители власти и исследовательских центров России, Малайзии, Саудовской Аравии, а также фирмы из Великобритании, Франции, Нидерландов, Люксембурга, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Бахрейна, Кувейта, Китая, Малайзии, Индонезии, Гонконга, Турции, Пакистана, Катара, Казахстана, Киргизии, Азербайджана, Туркменистана и других стран, обсудившие состояние и перспективы развития основных отраслей экономики России и стран исламского мира и ознакомившиеся с реальным опытом сделок по привлечению финансирования на принципах исламских финансов.¹²⁵ В целом, некоторые эксперты, такие, как, например, Р. Беккин, специалист по исламской экономике, видят хорошие перспективы для развития исламского финансового сектора, причем не только из соображений антикризисной

---

¹²⁴ Беккин Р. И. Исламская экономическая модель в мусульманском мире: некоторые исторические факты // «Проблемы современной экономики», №4 (12), 2004: <http://www.m-economy.ru/number.php3?bnumber=12#406>

¹²⁵ Международный саммит исламского бизнеса и финансов пройдет в Казани // Агентство РИА-Новости: <http://www.rian.ru/economy/20090625/175345393.html>

устойчивости и религиозного фактора: «Сейчас в западном мире популярны этически-ориентированные модели, когда люди избегают пользоваться услугами компаний, которые используют детский труд, нарушают экологические требования, просто транснациональных корпораций. Исламская экономика предлагает просто более техническое решение». ¹²⁶Интересно, что, как по мнению лидеров исламских стран, Запад готов перенять некоторые черты исламской экономической модели (так, в частности, предположил президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдхойоно в ходе 5го Всемирный исламский экономический форум в Джакарте в марте 2009 г. ¹²⁷), так и политики и представители различного рода общественных организаций Западных стран считают, что «банки должны присмотреться к правилам исламских финансов, чтобы восстановить доверие в среде клиентов в пору глобального финансового кризиса. «Этические принципы, на которых основываются исламские финансы, могут приблизить банки к клиентам и к истинному духу, который должен сопровождать любую финансовую услугу», - говорится в статье в последнем выпуске официальной ватиканской газеты «Osservatore Romano» ». ¹²⁸

---

¹²⁶ Малинин С. Антикризисный шариат // Ежедневное сетевое издание «Большой бизнес»: <http://www.bigness.ru/articles/2008-12-29/islamic/5424>

¹²⁷ Запад готов принять исламскую экономическую модель – президент Индонезии // Информационный портал «Islam News»: <http://www.islamnews.ru/news-17602.html>

¹²⁸ В Ватикане видят в исламских финансовых механизмах рецепт преодоления кризиса // Независимый исламский информационный канал «Islam.ru»: http://www.islam.ru/rus/2009-03-5/?single=25495?print_page

Хотя, безусловно, ни китайская, ни исламская модели в чистом виде неприменимы к большинству Западных стран и к глобальному регулированию экономики, поскольку обе эти модели коренным образом основываются на совокупности конкретных культурно-исторических особенностей данных стран, однако представляется возможным перенять наиболее удачные сценарии государственно-частного партнёрства путём учёта интересов бизнеса в долгосрочном планировании экономических задач по китайскому образцу, а также отказа от неэффективных механизмов в финансовой сфере при поддержке государством социально-ориентированных программ и высокой социальной ответственности бизнеса в смысле заботы им о своём моральном облике по исламскому образцу.

Глобальные сценарии соотношения ролей бизнеса и государства

В современном мире сложилась, таким образом, ситуация, в которой наблюдается многоуровневое взаимодействие бизнеса и государств, для которого характерны как удачные примеры кооперации и объединения усилий для урегулирования глобальной политико-экономической ситуации, так и наличие трудностей, вызванных стремлением каждой из сторон блюсти сугубо собственные интересы, а также отсутствием отлаженных механизмов принятия решений.

В результате, представляются возможными 3 основных сценария дальнейшего развития связей между бизнесом и государствами:

1. Бизнес вновь утратит свою мощь в сфере политико-экономического взаимодействия, уступив традиционному актору - государству;
2. Бизнес снизит значимость государства как актора, принимающего основные решения, став приоритетным игроком на мировой арене;
3. В результате расширенного спектра взаимодействия между государствами и бизнес-структурами появятся новые формы сотрудничества, наметится та самая "новая архитектура мировой экономики" (а, значит, во

многим и политики), о необходимости появления которой сегодня говорит большинство аналитиков.

В долгосрочной перспективе реализация первого сценария выглядит маловероятной в силу того, что, как отмечает М. М. Лебедева: «Бизнес уже "не вернуть" в строгие рамки национальных государств, т.е. нельзя "отменить" процесс транснационализации, <...> сама система национальных государств под воздействием многих факторов оказалась "расшатанной". Как следствие - множество альтернативных проектов, которые сейчас интенсивно предлагаются и обсуждаются в научном сообществе».¹²⁹ И действительно, как, видно из данных, приведённых в первых главах данной работы, активность бизнеса в политико-экономической сфере в глобальном масштабе, а также его взаимодействие с государствами достигли уже внушительных масштабов, переросло в многоуровневое партнёрство.

Второй сценарий представляется ещё более радикальным, чем первый, поскольку предполагает окончательное разрушение основ современной мирополитической системы, Вестфальского мира, в котором центральное место занимают государства. Маловероятно, чтобы государства оказались настолько несостоятельными, чтобы утратить полный контроль над мировой системой взаимодействия, поскольку бизнес на данный момент не представляет собой альтернативу государству в политической сфере в полном смысле этого слова, не будучи способным выполнять одновременно все функции во всех сферах общественной жизни, присущие государствам, даже несмотря на наличие у бизнеса элементов социальной ответственности или, иногда, как в случае с частными военными компаниями, делегированного им государствами права на применение насилия. Иными словами, можно отметить, что «вероятный в условиях кризиса рост полиархии, хаотизации, возрастающей многовекторности внутри мировой политической системы не приведет ни к утрате ею государственно-

---

¹²⁹ Лебедева М. М. Что будет с государством после окончания экономического кризиса? // Круглый стол «Господин кризис, как Вас теперь называть?», Полис, №3, 2009: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/3/2.htm>

центричного характера, ни к вытеснению сложившихся форм и методов государственной дипломатии»¹³⁰.

Итак, возможно заключить, что третий, «срединный», сценарий представляется наиболее правдоподобным в силу ряда причин. Во-первых, как уже отмечалось в Главе 2 данной работы, спектр различных видов взаимодействия между государствами и бизнесом неуклонно растёт. При этом государства проводят как консультативные встречи с бизнесом по собственной инициативе, так и прислушиваются к предложениям, выдвинутым частным сектором. К тому же, именно кризис, затронувший основы мирополитического взаимодействия, подталкивает государства и компании к поиску всё более эффективных способов кооперации.

Безусловно, если рассматривать кризис как стимул к построению «новой мировой архитектуры» взаимодействия как в политической, так и в экономической сферах, следует принять во внимание невозможность реализации подобного сценария без приложения усилий со стороны всех мирополитических акторов, а также длительность выработки новых механизмов взаимодействия. В этом смысле заслуживающей внимания представляется модель сетевой дипломатии, которая бы могла сочетать в себе «во-первых, вовлеченность в решение проблем заинтересованных сторон, во-вторых, - гибкое сочетание двухсторонних и многосторонних контактов. <...> Говоря о сетевой дипломатии, С.В. Лавров отметил, что в ее рамках «всегда найдется место для любой дипломатической комбинации, основанной на позитивных совпадающих интересах сторон»¹³¹.

Логичным представляется также, что государства и бизнес будут стремиться интенсифицировать диалог и найти новые механизмы взаимодействия, поскольку бизнес-структуры будут продолжать добиваться увеличения своего влияния в сфере мировой политики, тогда как государства

---

¹³⁰ Фельдман Д.М. Кризис экономический или кризис мирополитический? / Д.М. Фельдман // Вестник МГИМО(У). – 2009, № 5 - С. 157-159

¹³¹ Лавров С.В. «Сетевая дипломатия» сейчас востребована как никогда / Известия, 3 января 2007. <http://www.izvestia.ru/politic/article3099901/>

- стараться использовать бизнес в своих целях, переложить на него часть ответственности, в том числе, вовлечь в разработку путей выхода из кризиса.

Итак, в заключение можно сказать, что, при рассмотрении трёх возможных сценариев развития ситуации в сфере политико-экономического взаимодействия, становится понятным, что как для государств, так и для негосударственных акторов именно взаимодействие различного формата и при обсуждении вопросов широкого спектра представляется наиболее выгодным как с точки зрения попыток преодоления проблемы управляемости глобальной системы, так и с позиции реализации собственных интересов. Более того, поскольку сейчас можно лишь предполагать, каков же реально будет «баланс сил» между данными группами акторов в среднесрочной и долгосрочной перспективах, то именно от приложения ими объединённых усилий можно ожидать выработки принципиально новых решений, устраняющих проблемы Вестфальской системы, которые обнажил кризис.

***

В целом, в ходе диалога между государственными и негосударственными акторами выявилось, что, несмотря на обоюдное стремление к эффективной кооперации, пока и государства, и бизнес-акторы испытывают трудности с выработкой путей применения на практике принимаемых ими в ходе совещаний решений, поскольку в рамках ограниченных экономических и финансовых возможностей, компромисса между интересами бизнеса и власти ещё сложнее достичь.

И всё же, тенденции к сотрудничеству между бизнесом и государствами свидетельствуют о том, что сфера политика может влиять на экономику, определяя направление развития общества в глобальном масштабе и создавая предпосылки к многоуровневому сотрудничеству между различными акторами, хотя выработка механизмов такой деятельности пока остаётся делом будущего.

Сегодня, даже несмотря на глобализацию и, как одно из её следствий, сближение политико-экономических моделей многих государств, в мире представлены разнообразные типы взаимодействия между государством и бизнесом, обусловленные культурно-историческими особенностями конкретных стран. Так, альтернативными путями выхода из кризиса являются китайская и исламская модели, поскольку именно они доказали свою большую жизнеспособность в условиях кризиса по отношению к широко распространённой западной. И, хотя напрямую применить китайскую или исламскую модель к большинству Западных стран и к регулированию экономики на глобальном уровне не представляется ни реальным, ни целесообразным, поскольку эти модели основаны на культурно-исторических особенностях данных государств, однако возможно попытаться перенять из них ряд наиболее удачных приёмов государственно-частного партнёрства.

Таким образом, политическая роль бизнеса в преодолении современного кризиса заключается в активном участии бизнес-структур в формировании новой, более стабильной и эффективной глобальной политико-экономической архитектуры путём диалога с государствами относительно глобальных вопросов политики и экономики, вследствие чего в некоторой степени возрастает политическое влияние бизнес-акторов и признание государствами значимости взаимодействия с ними, что делает их кооперацию более результативной и может способствовать уменьшения недоверия между этими двумя типами акторов.

О.В. Столетов

Университет как актор мировой политики: формы и технологии влияния

По своей сущности университет представляет собой достаточно древнее изобретение. На Востоке первые университеты стали появляться еще в 8 веке, а в Европе – начиная с 11 века. Первым и старейшим университетом

в мире принято считать университет Аль-Карауин, основанный в 859 году и расположенный в городе Фес (Марокко). В Европе процесс становления университетов происходил достаточно динамично. Уже к началу 15 века здесь функционировали 45 университетов, а в 16 веке – 70¹³². За период с 1600 по 1800 гг. только в Германии было основано более 50 новых университетов¹³³. Начиная с 16 века, становление университетов начинается в Латинской Америке. В конце 18 века здесь уже работало 20 университетов. Первые университеты в США и Канаде появились в начале 19 века, в Индии – в середине 19 века, в Японии и Китае – в конце 19 века.

Хотя высшее образование в России начало развиваться еще с 1687 г. с созданием в Москве Славяно-греко-латинской академии, собственно университетское образование возникло лишь в 1725 г. Тогда по инициативе Петра I вместе с Академией Наук был учрежден Академический университет. Однако данный проект не получил серьезного развития и полномасштабная реализация университетской идеи на российской почве была реализована лишь в 1755 г. вместе с основанием Московского университета¹³⁴.

С момента возникновения в своих первых формах университеты являлись проводниками идей автономности от государственных структур. Гносеологически традиция академической автономии восходит к платоновской идее о братстве философов (мудрецов) как элите мира, которые в силу их интеллектуального и морального совершенства могут устанавливать собственные правила поведения¹³⁵. Впоследствии социальный институт академической автономии был закреплен за Болонским университетом – первым европейским университетом, расположенным в итальянском городе Болонья. Не случайно, что происходящие сегодня

---

¹³² Купцов В.И. Образование, наука, мировоззрение и глобальные вызовы 21 века. - СПб.: Алетейя, 2009. – С. 13

¹³³ Ханс-Дитер Клингеманн Политическая наука в Западной Европе. – М.: Аспект Пресс, 2009. – С 181.

¹³⁴ В связи с недобором студентов Академический университет фактически прекратил свое существование с 1766 г.

¹³⁵ Волосникова Л.М. О принципе академической автономии // Университет, общество, государство. – 2005 г. – С. 44 - 49

процессы реформирования высшего образования получили общее название Болонского процесса.

Современное реформирование системы образования в государствах Европейского Союза, Японии, России и целого ряда других государств происходит по пути предоставления университетам большей экономической самостоятельности, что позволяет университетам привлекать и аккумулировать финансовые ресурсы из самых разных источников. Исторически сложившейся традиции автономности университетов от государственных структур сегодня приобретают новые формы в контексте происходящих процессов глобализации, в частности, глобализации образования.

Сегодня университет как модель присутствует в подавляющем большинстве современных государств. В настоящее время параллельно с сохранением влияния европейских и американских университетов наблюдается постепенный подъем авторитета и потенциала азиатских вузов. В Шанхайском академическом рейтинге университетов за 2009 год среди 100 лучших университетов (ТОР-100) количество азиатских увеличилось с 5 до 6, а в британском рейтинге Таймс-QS количество соответственно возросло с 14 до 16¹³⁶. Высокие показатели в указанных рейтингах демонстрируют многие японские университеты. Высокое качество академических систем было продемонстрировано вузами Сингапура и Гонконга.

В этой связи, по нашему мнению, на сегодняшний день вполне своевременно говорить о начале формирования у университетов различных государств такого качества как акторность. Вузы постепенно начинают оказывать влияние на мировую политику и на принятие политических решений. Возрастает роль ключевых университетов мира в образовательной подготовке политической элиты современных государств.

По нашему мнению университетский потенциал правомерно соотносить с такими феноменами мировой политики как «soft power»

---

¹³⁶Ильтбах Ф.Г. Век азиатского высшего образования? - <http://ihe.nkaoko.kz/archive/ihe59/2>

(«мягкая сила»), «smart power» («разумная сила») и информационно-интеллектуальное влияние.

Под возможностями «*soft power*» университетов мы понимаем их «брендовый» потенциал, их роль как центров «публичной дипломатии», их возможности образовательной деятельности в рамках различных организационных форм (мегауниверситет, сетевой университет).

К критериям мегауниверситета относятся: численность студентов (не менее 100 тыс. человек), использование дистанционных образовательных технологий¹³⁷. Кроме того, мегауниверситеты предоставляют возможность получения высшего образования любым группам населения, в том числе и работающим специалистам. Сетевые университеты создаются не как самостоятельные образовательные учреждения, но возникают на базе уже существующей образовательной инфраструктуры действующих высших учебных заведений. Сетевые университеты предполагают активизацию студенческой мобильности посредством повременного обучения в вузах различных государств – участников совместных образовательных программ. Получаемые выпускниками сетевых университетов дипломы признаются всеми вузами-участниками сетевого университета.

«Мягкая сила» университета проявляется в его способности выступать «кузницей кадров» для национальной и международной политической элиты, экономической, интеллектуальной элиты. Например, в Европейском Союзе наибольшее значение по данному параметру имеют Лейпцигский (Германия), Лиссабонский (Португалия), Женевский (Швейцария), Миланский (Италия), Лионский (Франция) университеты. Среди вузов Азиатско-Тихоокеанского региона большим элитобразующим потенциалом обладают: Токийский (Япония), Коре (Южная Корея), Цинхуа (Китай), «Хасануддин» (Индонезия). В Индии важную роль в подготовке «кадров» для политической элиты играет Пенджабский университет, а в Турции - университет Мармара.

---

¹³⁷Карпенко О.М., Бершадская М.Д., Вознесенская Ю.А., Гадриани Л.А. Мегауниверситеты как оптимальный путь развития дистанционного образования. - www.mu.ru/Docs/nipo/16_2008.htm

Большинство из этих университетов имеет достаточно глубокую историю. Лейпцигский университет, основанный в 1409 г., является одним из старейших университетов на территории Германии. Токийский университет был основан в 1877 г. и занимает особое место среди высших учебных заведений Японии. В университете обучается примерно 30 тыс. студентов, при этом 2,1 тыс. из них – иностранцы. Пенджабский университет был основан в 1882 году, а Стамбульский университет Мармара - в 1883 году и является старейшим и крупнейшим университетом в Турции.

Университетский потенциал «мягкой силы» чрезвычайно важен в связи с все более обостряющейся борьбой за «мозги» (skilled migration approach). Данное направление конкуренции университетов предполагает привлечение талантливых иностранных студентов для последующего использования их знаний в стране, предоставившей образование. В результате повышается конкурентоспособность не только конкретного вуза, но соответствующего государства.

Сегодня не только развитые, но и развивающиеся государства активизируют потенциал «soft power» своих университетов. Например, в Индонезии Правительством организована образовательная программа «Дармасисва», которая имеет своей целью предоставление возможности иностранным студентам в течение одного года обучаться индонезийскому языку, искусству, музыке, ремесленничеству в 38-и университетах и колледжах Индонезии по выбору¹³⁸.

Под университетским потенциалом «*smart power*» нами понимается способность вузов выступать «гражданскими фабриками мысли», ориентированными на получение «полезного» (useful knowledge) и коммерциализируемого знания. В данном случае подчеркивается неофициальный статус университетов как «мозговых трестов» - разработчиков экспертного знания. «Полезное знание» отличается тем, что оно, с одной стороны, заведомо ограничено, однако, с другой стороны,

---

¹³⁸http://www.glavtour.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=41&Itemid=24&lang=ru

сфокусировано на конкретике и нацелено на результат, приносящий экономическую либо политическую выгоду.

Еще в 20 веке университеты становятся крупными центрами политических исследований. В университетах осуществляются не только фундаментальные, но и прикладные политические разработки, касающиеся непосредственно выбора политических стратегий и принимаемых политических решений. В рамках университетов возникают специализированные структуры, занимающиеся политическим консультированием.

Многие университеты в мире сегодня активно работают как «фабрики мысли» («think tanks»). Так, Пенджабский университет входит в список исследовательских структур, занимающихся вопросами международных отношений и стратегических вопросов¹³⁹. Китайский университет Цинхуа (Qinghua) в последние годы делает шаги в сторону расширения своей образовательной и научно-исследовательской деятельности в сфере международных отношений¹⁴⁰. При нем были открыты Школа общественной политики и управления, а также Институт международных исследований. Именно при университете Цинхуа функционирует Центр китайских исследований, который считается в КНР ключевой «фабрикой мысли» в плане влияния на процесс принятия политических решений¹⁴¹. Ученые-международники университета Цинхуа активно осуществляют исследования в сфере таких проблем как контроль вооружений, китайско-американские отношения, региональная безопасность, проблема Тайваня¹⁴².

Информационно-интеллектуальное влияние (ИИВ) рассматривается нами как прямое и косвенное воздействие университетского сообщества на

---

¹³⁹Sanjaya Baru Can Indian Think Tanks and Research Institutions Cope with the Rising Demand for Foreign and Security Policy Research? // Institute of South Asian Studies (ISAS) Working Paper. – No. 67 – Date: 16 June 2009. – 15 p. - se1.isn.ch/serviceengine/Files/ISN/102240/...singledocument/.../67.pdf

¹⁴⁰Global Think Tank Summit // Brussels Institute of Contemporary China Studies (BICCS). – Asia Paper Vol. 5 (5). – 32 p. - http://www.vub.ac.be/biccs/site/assets/files/apapers/Asia_papers/20100405 - Bondiguel Kellner.pdf

¹⁴¹<http://www.ccs.org.za/?cat=17>

¹⁴²Alastair Iain Johnston The State of International Relations Research in China: Considerations for the Ford Foundation // Department of Government Harvard University. – 58 p. - http://www.irchina.org/en/pdf/IRSC_johnston_english.pdf

элитные группировки, общественность своего государства и других государств. Информационно-интеллектуальное влияние может реализовываться как напрямую, так и косвенно.

Под прямым ИИВ мы подразумеваем систему международного межвузовского научно-образовательного и научно-исследовательского сотрудничества. Данное международное сотрудничество может реализовываться в следующих формах: а) деятельность университета в международных университетских ассоциациях; б) участие университета в совместных межуниверситетских исследовательских проектах; в) взаимодействие университета с политическими, экономическими и правовыми международными организациями, а также политическими деятелями. В качестве прямого контакта лица принимающего решения с зарубежным научным сообществом можно рассматривать встречу президента России Дмитрия Медведева с иностранными учеными в рамках симпозиума памяти Самюэла Хантингтона, который состоялся в Высшей школе экономики в мае 2010 г.¹⁴³.

Под косвенным ИИВ мы понимаем воздействие, которое оказывает создаваемый университетским сообществом научный продукт, на представителей политической элиты и общественность.

Определив данный набор параметров университетского влияния, представляется возможным рассмотреть потенциал некоторых ключевых российских университетов, таких как Московский государственный институт международных отношений (Университет), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и Российский университет дружбы народов.

МГИМО является университетским комплексом, авторитет которого высок во всем мире. ИТ-инфраструктура МГИМО является одной из самых лучших в стране. МГИМО в условиях сложной для образования и науки постсоветской действительности удалось сохранить мощную

---

¹⁴³ Встреча президента с учеными. – 26.05.2010. - <http://actualcomment.ru/theme/1304/>

преподавательскую базу. В МГИМО широко распространена практика студенческих обменов. Соответствующие соглашения подписаны и функционируют более, чем с 40 зарубежными вузами¹⁴⁴. При этом «публичная дипломатия» в МГИМО активно развивается не только на уровне студентов, но и на уровне преподавательского состава университета. В рамках реализации комплексной инновационной образовательной программы МГИМО «Формирование системы компетенций для профессиональной деятельности в международной среде в интересах укрепления позиций России» в 2007 и 2008 гг. более 1000 преподавателей и сотрудников участвовали во внутрисоссийских и зарубежных стажировках.

МГУ является безусловным национальным брендом. Чрезвычайно обширна география выпускников МГУ. С 1946 г. МГУ выпустил более 11 тыс. специалистов-представителей 150-ти стран. Широкое развитие в МГУ получили обменные студенческие программы. В настоящее время из общего числа действующих международных договоров и соглашений (около 450), примерно одна треть заключена на уровне университета в целом, остальная часть – на уровне подразделений университета. С 2007 года в МГУ запущен проект Школа дистанционного образования МГУ, функционирующий на основе «Концепции развития дистанционного обучения в МГУ» и позволяющий дистанционным образом получить образование по учебным направлениям ряда факультетов¹⁴⁵.

РУДН является «кузницей» национальной и международной политической элиты. Выпускники факультета гуманитарных и социальных наук работают в органах государственной власти, префектурах, муниципалитетах¹⁴⁶. Выпускники РУДН есть в 140 странах мира¹⁴⁷. На сегодняшний день практически на всех континентах есть действующие

---

¹⁴⁴Интервью ректора МГИМО (У) МИД России А.В. Торкунова агентству ИТАР-ТАСС // Дипломатический вестник. - № 010. - 31.10.2004. - dlib.eastview.com/browse/doc/7233636

¹⁴⁵<http://www.distance.msu.ru/2009/10/blog-post.html>

¹⁴⁶РУДН: путь в элиту // Обучение и карьера. – С. 12-21. - http://www.start4you.ru/content/opinions/rudn_put_v_ehlitu.html

¹⁴⁷Денисов Н. Полтпрогноз для элиты и общества. Интервью Дмитрия Слизовского // Национальная безопасность. – 05.12.2008. - http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=13975&PAGEN_1=1&ID=13975&saver_national=276

президенты или премьер-министры, являющиеся выпускниками РУДН. В Азии – премьер-министр Казахстана Карим Максимов, в Латинской Америке – президент Кооперативной Республики Гайана Бхарат Джагдео, в Африке – до недавнего времени премьер-министр Республики Чад Юсуф Салех Аббас¹⁴⁸. В 2009 г. РУДН при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ выступил с инициативой создания Сетевого открытого университета СНГ. СОУ СНГ должен начать функционировать уже в 2010 г. На сегодняшний день в состав Сетевого университета входят 15 вузов, представляющих семь стран Содружества. В их числе Россия (СПбГУ, РУДН, Новосибирский ГУ, Московская государственная юридическая академия), Казахстан (Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Южно-Казахстанский ГУ им. М. Ауезова), Белоруссия (Белорусский государственный университета), Украина (Донецкий национальный университет, Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара), Киргизия (Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Кыргызско-Российский Славянский университет), Таджикистан (Таджикский национальный университет, Российско-Таджикский Славянский университет), Молдова (Славянский университет Молдовы). По-видимому, это не окончательное число вузов СОУ СНГ. Проект привлек внимание университетских кругов Армении, украинские вузы планируют расширить свое представительство в нем.

Развитию роли МГИМО как «фабрики мысли» способствовало создание в мае 2009 г. Института международных исследований (ИМИ)¹⁴⁹. ИМИ явился правопреемником таких исследовательских и аналитических структур МГИМО, как Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений (1976-1990), Центр международных исследований (1990-2004), Научно-координационный совет

---

¹⁴⁸Пряхина Е. Ректор РУДН Владимир Филиппов: Наши выпускники работают президента и премьерями многих стран. – 08.02.2010. - <http://www.inedelya.ru/reportings/article9849>

¹⁴⁹Торкунов А.В. МГИМО-Университет: Традиции и современность (1944-2009). – М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009. – С. 368.

по международным исследованиям (2004-2009). В структуру ИМИ входит 10 отраслевых исследовательских центров¹⁵⁰. Специфика ИМИ состоит в том, что здесь не только исследуются и анализируются мирополитические процессы, но и генерируются новаторские научно-практические идеи, тем самым создавая базу для развития «умной» внешней политики России. Аналитические доклады ИМИ предоставляются в Администрацию Президента РФ, в органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политические центры, а также крупные библиотеки.

МГИМО проводит активную интернет-политику. Значительное количество исследовательских материалов, представленных на сайте Университета, находятся в свободном доступе. Недавно Европейский учебный институт при МГИМО запустил в работу проект интернет-журнала «Вся Европа.ru». Возможности МГИМО выступать полномасштабной «фабрикой мысли» повышаются благодаря наличию тесных связей и регулярных контактов между университетом и МИД.

В МГУ функционируют следующие перспективные факультеты: политологии, государственного управления, мировой политики, глобальных процессов, социологический, исторический. Международно-политические исследования являются важной составляющей на каждом из названных факультетов. Каждое из обозначенных структурных подразделений или уже создало или стремится создать собственный исследовательский центр в форме «think tank». ФГУ ведет последовательную работу по созданию Центра стратегических инноваций¹⁵¹. При социологическом факультете

---

¹⁵⁰ Центр глобальных проблем, Центр евро-атлантической безопасности, Центр кавказских исследований, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, Центр постсоветских исследований, Центр исследований проблем войны и мира, Центр партнерства цивилизаций, Центр региональных политических исследований (ЦРПИ), Центр северо-европейских и балтийских исследований, Центр аналитического мониторинга.

¹⁵¹ Лившин А.Я. Межсекторное взаимодействие и «public policy» как область исследований экспертно-аналитических центров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). - № 1. - 2007 г. - www.spa.msu.ru/images/File/Vestnik/Livshin.pdf

функционирует Центр консервативных исследований¹⁵². При кафедре истории стран Ближнего зарубежья исторического факультета работает Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве¹⁵³. Сотрудниками исследовательского Центра, главным образом, являются студенты и аспиранты исторического факультета. Центр занимается изучением современных политических и экономических процессов в странах СНГ, а также странах Балтии. Особое внимание Центр уделяет вопросам диаспоральных и этнических процессов на постсоветском пространстве. Центром также изучаются политические партии и общественные движения на пространстве бывшего СССР. Факультет политологии МГУ также прилагает усилия к созданию собственного исследовательского центра.

В настоящее время начал свою работу межфакультетский Центр этнорелигиозной конфликтологии, объединяющий студентов и аспирантов с факультета политологии, отделения религиоведения и ряда других факультетов¹⁵⁴. В МГУ функционируют такие подразделения как научно-исследовательский Институт социальных систем (с 1998 г.)¹⁵⁵, Институт проблем информационной безопасности (с 2003 г.).

В настоящее время факультет политологии в РУДН отсутствует. В рамках факультета гуманитарных и социальных наук РУДН функционирует политологическое отделение. Внутри него функционируют кафедра политических наук и кафедра сравнительной политологии¹⁵⁶. О наличии традиций политологических исследований в РУДН говорит тот факт, что кафедра политических наук была образована как структурное подразделение историко-филологического факультета университета еще в 1971 году¹⁵⁷.

---

¹⁵² <http://konservatizm.org/>

¹⁵³ <http://www.ia-centr.ru/archive/about.html>

¹⁵⁴ <http://coerc.ru/>

¹⁵⁵ <http://www.niiss.ru/index.html>

¹⁵⁶ Материалы «Круглого стола» аспирантов и студентов-политологов РУДН // Вестник РУДН (Серия политология), № 1, 1999. - <http://stepanov01.narod.ru/library/journal01/article12.htm>

¹⁵⁷ <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/42907>

Именно на базе этой кафедры недавно был создан Институт современной политики РУДН (ИСП).

ИСП РУДН создавался при поддержке ректора В.М. Филиппова и председателя Московской городской Думы, заведующего кафедрой политических наук РУДН кандидата юридических наук В.М. Платонова, который стал также научным руководителем данного центра. Научно-исследовательский коллектив ИСП РУДН составляет 20 докторов и 7 кандидатов науки. ИСП РУДН занимается оказанием экспертно-аналитической и информационно-методической поддержкой эффективного функционирования политических партий, общественных и молодежных организаций (движений), финансовых и бизнес структур¹⁵⁸. ИСП РУДН продвигает свой интеллектуальный продукт посредством ряда научных изданий («Вестник РУДН» (специальная серия Политология), «Социально-гуманитарные знания», «Геополитика», «Политика безопасности»), а также университетских и факультетских информационных веб-проектов.

В числе других научно-исследовательских структур РУДН следует назвать: Научно-образовательный центр латиноамериканских исследований (занимается научными изысканиями в сфере политики и международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна)¹⁵⁹, Межвузовский центр по изучению философии и культуры востока (вопросы межкультурного диалога).

МГИМО на постоянной основе сотрудничает с 60-ю государственными, общественными и образовательными организациями различных стран. Сегодня университет является членом Европейского консорциума политических исследований (ECPR), Ассоциации профессиональных школ международных отношений (APSIA), Ассоциации международных исследований (ISA), Европейского консорциума университетов, Международной федерации по изучению Латинской Америки

---

¹⁵⁸<http://www.impol.ru/research.htm>

¹⁵⁹<http://www.rudn.ru/index.php?pagec=2255>

и Карибского бассейна (FIEALC), Евразийской ассоциации университетов. Присутствие МГИМО в международных образовательных структурах Европы было расширено после его вступления в Европейскую ассоциацию университетов (ЕАУ).

Структурное подразделение МГИМО Центр исследований Восточной Азии и ШОС в рамках развития отношений с КНР и другими государствами Восточной Азии и региона ШОС в 2000-е годы организовал целый ряд круглых столов с привлечением делегаций из соответствующих государств. Вопросами развития диалога с государствами Центральной Азии занимается еще одна исследовательская структура в рамках ИМИ – Центр постсоветских исследований. Начиная с 2005 г. в рамках взаимодействия с Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами МГИМО на регулярной основе проводит российско-японские конференции.

МГИМО через систему своих исследовательских центров, а также на уровне руководства университета активно развивает взаимодействие с такими международными организациями как ООН, ОДКБ, ШОС. МГИМО имеет тесные связи с европейскими интеграционными структурами (Совет Европы, ОБСЕ). МГИМО является важным субъектом формирования общего образовательного пространства РФ и ЕС.

МГУ сотрудничает с Международной Ассоциацией Университетов. МАУ является крупнейшим форумом, на площадках которого происходит регулярное обсуждение достижений, проблем и перспектив высшего образования, а также обмен профессиональным опытом¹⁶⁰. Ректор МГУ В.Садовничий с 1992 г. является президентом Евразийской ассоциации университетов. На сегодняшний день Евразийская ассоциация включает в себя 111 университетов Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, России, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Украины¹⁶¹. МГУ имеет связи более, чем со 100

---

¹⁶⁰<http://ifea.spbu.ru/ru/international-activities/foreign-partners/st-petersburg-state-university-in-international-associations/56-international-association-of-universities.html>

¹⁶¹http://www.eau.msu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=21&Itemid=23

образовательными учреждениями и научными центрами в Европе, США, Японии, Китае, некоторых других азиатских странах, Австралии, Латинской Америке, арабских странах¹⁶².

РУДН принимает активное участие в программах и проектах Совета Европы, Организации экономического содействия и развития, ЮНЕСКО, Европейского центра по высшему образованию (СЕПЕС), Европейского Фонда подготовки кадров.

РУДН обладает широкими возможностями презентации своей позиции на различных международных площадках. РУДН является членом таких международных интеграционных структур как МАУ, Евразийская Ассоциация университетов, Европейская Ассоциация университетов, Европейская Ассоциация международного образования. Участие РУДН в Евразийской Ассоциации университетов позволяет университету активно развивать взаимодействие с образовательными структурами государств СНГ.

Итак, все три рассмотренные нами университета обладают серьезным, исторически сложившимся набором возможностей, отвечающих предложенному перечню критериев. Сегодня их деятельность должна быть направлена на сохранение традиционных и выработку новых конкурентных преимуществ. Каждый из рассмотренных университетов обладает определенным опытом, своей собственной спецификой. Этим опытом университеты могут поделиться как между собой, так и с другими отечественными и зарубежными университетскими структурами.

Роль рассмотренных вузов состоит в том, что, участвуя в формировании единого образовательного пространства, как между Россией и государствами СНГ, так и между Россией и государствами Европейского Союза, они являются акторами интеграции. Конструктивное участие российских университетов в работе крупных межуниверситетских структур и международных организаций способствует тому, что постепенно возрастает желание отечественных университетов не только найти постоянный рынок

---

¹⁶²<http://www.topuniversities.com/university/419/lomonosov-moscow-state-university->

сбыта для своей интеллектуальной продукции, но и выработать либо усовершенствовать механизм воздействия на политические решения представителей политической элиты.

Исследовательский потенциал российских университетов может быть объединен для осуществления не только внутрироссийских, но и международных межвузовских исследовательских проектов. В качестве примера можно привести программу Стэнфордский российско-американский форум. В данной программе, созданной в 2009 году, задействованы студенты ведущих вузов России и США. Они проводят совместные исследования по актуальным направлениям и проблемам российско-американских отношений, презентуют результаты своих проектных разработок. Участники программы ежегодно обновляются. Среди российских вузов, которые стали активными ее участниками, следует назвать МГУ, МГИМО, ГУ ВШЭ, АНХ. Сегодня речь идет о расширении российского представительства и подключении к программе СПбГУ, Новосибирского государственного университета и Кубанского государственного университета¹⁶³.

Таким образом, современный университет, являющийся самостоятельным игроком и одновременно транслятором определенных стандартов того государства, в условиях которого он функционирует, пользуясь своими специфическими ресурсами, может не только укреплять свое влияние, но и усиливать международные позиции своей страны.

---

¹⁶³<http://www.fmp.msu.ru/surf.htm>

Об авторах

Зиновьева Елена Сергеевна – к.полит.н., преподаватель Кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России

Киселева Юлия – магистр МГИМО (У) МИД России

Колдунова Екатерина Валерьевна – к.п.н., старший преподаватель МГИМО (У) МИД России

Лебедева Марина Михайловна – д.полит.н., профессор, заведующая Мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России

Панова Елена Павловна – журналист – редактор телеканала Russia Today

Столетов Олег Владимирович – студент МГУ

Харкевич Максим Владимирович – специалист по учебно-методической работе первой категории МГИМО (У) МИД России

Хохлова Екатерина Сергеевна – студентка МГИМО (У) МИД России